

Волгоградская областная универсальная научная
библиотека им. М. Горького

**Столыпинская модернизация:
*исторический опыт
и перспективы развития***

Материалы межрегиональной
научно-практической видеоконференции

9 ноября 2016 года

Волгоград
2017

ББК 63.3(2)5
С81

Редактор-составитель
Тамара Ивановна Климова

Ответственный за выпуск
Людмила Александровна Ульева

С81 Столыпинская модернизация: исторический опыт и перспективы развития : материалы межрегиональной научно-практической видеоконференции, Волгоград, 9 ноября 2016 года / Волгогр. ОУНБ им. М. Горького ; [ред.-сост. Т. И. Климова ; отв. за вып. Л. А. Ульева]. – Волгоград, 2017. – 73 с.

ББК 63.3(2)533-210.6я431

© Волгогр. ОУНБ им. М. Горького, 2016

Содержание

Ульева Л. А. Столыпинская модернизация: исторический опыт и перспективы развития (предисловие)	4
Ковалев С. П. Знание без выводов... ..	6
Пиреев А. И. Цели и результаты столыпинской аграрной реформы	13
Мурашов Д. Ю. Столыпинская аграрная реформа: взгляд священника	21
Кириллов А. К. Столыпинское переселение как школа борьбы за свои права: конфликты старожилов и переселенцев в начале XX века (тезисы)	23
Коваленко Е. В. Пионеры Дальнего Востока: крестьянское переселение	24
Пожарская К. А. Хозяйственная и социокультурная адаптация столыпинских переселенцев в Алтайском округе	41
Елина И. А., Беличенко А. М. Жизнь и деятельность П. А. Столыпина (по материалам периодических изданий из фондов Волгоградской ОУНБ им. М. Горького, вышедших до революции 1917 года и в освещении современной периодической печати (2011–2015 гг.)	49
Солодкова С. Н. Петр Аркадьевич Столыпин: летопись жизни и государственной деятельности (библиографический список)	58

Столыпинская модернизация: исторический опыт и перспективы развития

(предисловие)

Социально-экономическое развитие России на современном этапе в условиях международных санкций и поиска новых смыслов, стали стимулом для осмысления исторического этапа, связанного с столыпинскими аграрными преобразованиями, которые должны были улучшить уровень жизни российского крестьянства и определить будущее страны.

К 110-летию аграрных преобразований П. А. Столыпина Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина совместно с Волгоградской областной универсальной научной библиотекой им. М. Горького инициировали проведение межрегиональной научно-практической видеоконференции: «Столыпинская модернизация: исторический опыт и перспективы развития».

Целью проведения видеоконференции стало осмысление итогов и уроков преобразований П. А. Столыпина, выявление их актуальности и значимости в современной модернизации России. К работе были приглашены руководители и сотрудники учреждений культуры и образования, педагоги, представители власти и общественных организаций, студенты образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования.

В рамках видеоконференции исследователи (учёные) из гг. Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Благовещенска, Барнаула, Калининграда, Новосибирска, Пскова, Пензы и Саратова, представили в своих выступлениях предпосылки аграрных преобразований в дореволюционной России, основные направления аграрной столыпинской реформы и проблемы их реализации.

Участники видеоконференции познакомились с итогами и результатами столыпинской аграрной модернизации, её экономической и социальной эффективности. Сухие цифры отчетов и колорит в освещении темы дополняло цитирование воспоминаний современников П. А. Столыпина и приводимые сравнительные характеристики технологий и показателей дореволюционной и современной аграрных реформ.

Особое внимание было уделено столыпинскому переселению, хозяйственной и социокультурной адаптации переселенцев, конфликтам старожилов и переселенцам в начале XX века. В материалах участников превалировала историография столыпинской аграрной

реформы, которая характеризуется в первую очередь наличием в разные периоды времени (дореволюционный, советский и постсоветский) диаметрально противоположных взглядов и зачастую взаимоисключающие оценки содержания, целей и достигнутых результатов.

По результатам данной видеоконференции был сформирован сборник материалов из представленных участниками межрегиональной научно-практическую видеоконференции: «Столыпинская модернизация: исторический опыт и перспективы развития докладов.

Электронный сборник адресован студентам и преподавателям высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей, интересующихся историографией, личностью А. А. Столыпина, смыслами и результатами столыпинской аграрной реформы.

*Людмила Александровна Ульява,
зам. директора по маркетингу и автоматизации
Волгоградской ОУНБ им. М. Горького*

Знание без выводов...

*Сергей Павлович Ковалев,
научный сотрудник
Лаборатории экономических исследований
Всероссийского научно-исследовательского институт орошаемого земледелия,
председатель
Волгоградского отделения политической партии
«Возрождение Аграрной России»*

В истории нашей страны есть уроки, которые нельзя оставлять не пройденными до конца, иначе они каждый раз будут к нам возвращаться до тех пор, пока они не будут выполнены, и не пройдёт работа над ошибками, сделан глубокий анализ и получены выводы для дальнейших практических действий. Это применимо и к аграрной реформе, проводимой под руководством Петра Аркадьевича Столыпина.

О данной реформе написано множество исторических трудов, проделан глубокий историографический анализ. И в этом есть парадокс, что об аграрной реформе, её решениях и методах, знают больше историки, чем сами аграрии и работники сельскохозяйственных комитетов. А между тем, тезисы и действия правительства, земских управ, самих крестьян проводимые во время реформы, являются набором готовых инструментов, применимых и к сегодняшним условиям. По сути, реформа превратилась в научный труд, оставшись без прикладного применения для людей, в пользу которых она создавалась.

Об эффективности и итогах реформы трудно говорить, за счёт краткого временного промежутка её действия. Можно лишь констатировать положительные сдвиги и тенденции, которые, будь у России 20 лет, могли реализоваться в полной мере.

Однако, за короткий исторический срок, реформа успела задать вектор движения, по которому, вольно или невольно шли все последующие партийные и парламентские кабинеты, воспроизводя в той или иной степени её элементы. Но происходит всё это фрагментарно и бессистемно, каждый раз напоминая изобретение велосипеда, который упорно стоит на месте и не желает ехать. Это происходит из-за того, что совершая одинаковые действия, преследуются разные цели.

Целями столыпинской реформы, была не гонка за численными показателями и индикаторами роста, а системное изменение и улучшение жизни целого слоя населения занятого в сельском

хозяйстве. Ошибка началась в Советском Союзе, когда погнались за урожаями и рекордными сборами, забыв про людей, на которых прежде всего и делал ставку Пётр Аркадьевич – *«...на сильных и инициативных людей, на которых может положиться государство...»*

Сегодня, проделанный исторический путь опять возвращает к решению тех же задач, что стояли у Царского Правительства и Первой и Второй Думы. Это решение земельного вопроса, эффективность производства, финансы и др.

Решение земельных вопросов всегда было центральной темой всех аграрных реформ. В одном из полицейских донесений из Курской губернии – *«Главной причиной упадка является большая чересполосность крестьянских наделных земель, раздробившихся... вследствие увеличения населения, на мелкие участки, что повлекло за собой, вследствие... пастьбы скота на паровых участках, по дальности расстояния участков (есть участки в 3–4 сажени), отстающих от селений в 8–15 верстах, – переход от трехпольной системы – к двупольной, крайне истощающей землю и ведущей к сокращению скота и лошадей...»*

Об этом же писал бывший управляющий земским отделом МВД В. И. Гурко: *«Суть дела в том, что как при общинной, так и при подворной форме землепользования крестьянин не имеет права вполне свободно использовать в хозяйственном отношении состоящие в его владении полевые участки земли. В обоих случаях ему не принадлежит право огораживания этих участков, так как при подворном землепользовании они также не сведены к одному месту и представляют отдельные, часто весьма узкие, полосы, расположенные в разных полях».*

Тогда этот вопрос решали путем права выхода из общины и переводу в личную собственность причитавшейся ему доли наделной земли, сведению всех полос в один участок и образованию хуторского (с перенесением усадьбы на выделенные земли) или отрубного (с оставлением усадьбы на старом месте) хозяйства. Таким образом создавая консолидированные участки на которых могли работать крестьяне.

Сегодня, ситуация вроде как другая, но земля опять разбита, только по паям. Единственным способом консолидировать земли это провести их выкуп. На тот момент, основным инструментом объединения земли стал Крестьянский банк, у которого было право неограниченной скупки помещичьих имений с последующей перепродажей их крестьянам и предоставление им ссуд в размере почти

полной стоимости приобретаемых участков. Указами¹ 12, 27 августа и 19 сентября 1906 года Крестьянскому банку передавались для продажи крестьянам участки казенной, удельной и кабинетской земли в Европейской России и Сибири.

Сегодня, казалось бы проще. Любой, желающий может приобрести земли. Но, в залог их отдать уже проблематично, низкая кадастровая стоимость, дисконт оценки 50%. Да, и при скупке земель их цена резко увеличивается. Земли много пока она никому не нужна.

Большевики, всячески отрицающие наследие царского прошлого, тем не менее, тоже пользовались инструментами аграрной реформы.

Осенью 1923 года в стране разразился «кризис сбыта», когда был собран хороший урожай, но крестьяне не торопились сдавать хлеб по низким ценам, поскольку они не компенсировали затраты на производство.

Крестьяне не могли купить необходимые промышленные товары, которыми были забиты все склады и магазины. Деревня стала задерживать сдачу хлеба по продналогу. *По стране прокатились массовые крестьянские восстания, которые были подавлены.* Из того же полицейского донесения: «В крестьянском хозяйстве виден упадок, выражающийся в истощении почвы, сокращении количества скота, истреблении лесов и падении садоводства». Тогда же с весны 1902 года по стране прокатилась волна крестьянских волнений, подавленных только с применением военной силы. Причины восстаний разные, но итог одинаковый. Молодое советское правительство это подвигло внести изменения в ценовую политику, разрешена аренда земли и использование наемного труда. Началось предоставление льготных кредитов, отменялись или снижались налоги, их снабжали семенами, рабочим скотом, сельскохозяйственным инвентарем. При столыпинской реформе на 5 лет выдавался ипотечный заём. То же касается развитие сети поставки техники и инвентаря, была многочисленная сеть заведений – торговые фирмы, земства,

¹ 12 августа 1906 года появился Указ о передаче Крестьянскому банку сельскохозяйственных удельных земель (собственность императорской фамилии); 27 августа – о порядке продажи казенных земель; 19 сентября – о порядке продажи крестьянам казенных земель на Алтае (собственность императора); 19 октября – о разрешении Крестьянскому банку выдавать крестьянам ссуды под залог наделной земли, чем признавалась крестьянская личная собственность на землю. Этими решениями был создан национальный земельный фонд, позволявший развернуть широкую программу переселения земледельцев из зон аграрного перенаселения (главным образом губерний центральной части Европейской России).

кооперативы. В годы реализации аграрной реформы все более широкое распространение получали прокатные пункты и станции.

Слабеющие крестьянские хозяйства страны советов не могли эффективно использовать появляющуюся новую технику. В 1926 году 40% пахотных орудий по-прежнему составляли деревянные сохи, а треть хозяйств не имела даже лошадей, поэтому уровень урожайности был одним и самых низких в Европе. Аренда земли, на которую зажиточные крестьяне возлагали определенные надежды, была сопряжена с большими ограничениями. Фактически запрещалось образование хуторских хозяйств.

Следствием провозглашенной политики «ограничения кулачества» стало снижение во второй половине 1920-х годов товарности крестьянских хозяйств, их рыночной ориентации. Так, почти в два раза, по сравнению с довоенным уровнем, сократилась доля продукции, направляемой крестьянами на продажу. В 1926/1927 хозяйственном году они потребляли до 85% своей продукции, что означало фактически возврат к натуральному хозяйству. Постепенно снижался объем сдачи зерна в государственные фонды.

И осознавая всё это, по факту большевики пошли тем же путем, создавая заново, пункты проката техники, кооперативы, школы, аграрные, училища и техникумы.

Ассигнования казны на образовательные цели возросли за 1908–1912 гг. с 5,7 млн руб. до 21,9 млн руб. В 1913 году эти расходы составили уже более 29,0 млн руб. Расходы земств на эти же цели, ежегодно возрастаая, достигли в 1913 году 18,0 млн руб. Совместные усилия правительства и общественных организаций дали определенные результаты: было открыто свыше 300 новых учебных сельскохозяйственных заведений, 1 тыс. курсов, проведены чтения, беседы на агрономические темы в 20 тыс. пунктах, во всех губерниях организуется система опытных станций, полей, участков, земства ввели институт участковых агрономов (в 1913 году уже насчитывалось до 10 тыс. профессиональных агрономов). В губернских и уездных земствах создавались экономические советы, созывались агрономические совещания, разрабатывавшие планы и мероприятия по оказанию помощи населению.

Через двадцать лет, всё вернулось на круги своя. Фрагментарно и бессистемно. Отрицание прошлого в дальнейшем, за кажущейся картиной благополучия, создавало разрыв хозяйственных и социальных отношений, что привело, в том числе и к развалу СССР.

Далее чем ярче становилась картина крестьянского благополучия, тем быстрее приближался конец счастливой эпохи.

Советское правительство начало очередные гонки с природой за рекордные урожаи и надои. Никита Сергеевич Хрущев, всё это ёмко охарактеризовал в лозунге «Догнать и перегнать Америку». Выполнить эту задачу принялись с энтузиазмом и размахом присущим эпохе. Естественно о последствиях, и тем более долговременной перспективе, выходящей за горизонты пятилетки, никто не задумывался. Решением поставленной задачи стало направление по пути экстенсивного развития сельского хозяйства, то есть освоения новых целинных территорий обладающих *первоначальными* преимуществами перед уже используемыми землями. Взамен увеличения производительности труда и эффективности использования существующих территорий. Но ведь ещё, в начале века в период освоения новых земель на юге и юго-востоке страны (Новороссия, Предкавказье, Заволжье) было четко известно, что при завершении процесса освоения, значительный рост валовых сборов сельскохозяйственной продукции идет на убыль. Что было отмечено в Указе¹ от 9 ноября 1906 года «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования» *перевести сельское хозяйство с экстенсивного на интенсивный путь развития.*

Что особенно настораживает, отсутствие изменившейся государственной парадигмы с Советских времен. По-прежнему вручаются медали и грамоты за наращивание объемов площадей, за рекордные стоимости предприятий.

Показательным является пример погектарной субсидии, когда за 1 гектар земли собственник получает возмещение из бюджета. Даже, когда земля находится под парами, причем не один год, «эффективный» собственник получает возмещение.

Об эффективности, впрочем, сегодня тоже не принято говорить. Например по овощным культурам, огурцам. Валовый сбор огурцов в нашем огуречном краю составляет около 25 максимум 40 тонн с гектара. При этом в более прохладной Германии, валовый сбор огурца того же сорта составляет 90–140 тонн с гектара. Разница в несколько раз. Пример с зерном, при равной мировой цене зерна, себестоимость

¹ Указ 9 ноября 1906 года свидетельствовал о том, что власть отказалась от старой своей политики сохранения общины и перешла к поддержке мелкого частного собственника. Каждый крестьянин получал право свободного выхода из общины вместе со своим, укрепленным в личную собственность наделом, который принадлежал ему до того на правах временного владения. Крестьянин и раньше имел право выделиться из общины, но лишь с согласия «мира» и после выплаты выкупных платежей. Теперь же положение изменилось.

нашего зерна и американского абсолютно разная. Да, сейчас этот разрыв нивелируется курсом валют. Но, ведь оборудование, химия, семена опять берем зарубежные.

Образуется очередной замкнутый круг аграрной реформы, из которого сто лет никак не выйдем. Оказавшись в очередной раз в точке бифуркации, выбирая инновационный путь развития в будущее. Вместо того, чтобы сделать правильные выводы из прошлого.

Соревнуясь с Америкой, мы наращивали не эффективность, а площади. К чему привел такой подход, все знают.

Государственный контроль в своем отчете за 1910 год отмечал: *«Наше сельское хозяйство вообще, а в особенности на крестьянских землях, занимающих в одной Европейской России до 75% всех сельскохозяйственных угодий, ведется несовершенно. Плохая обработка земли, незначительное распространение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, недостаточное удобрение почвы, исключительно зерновое, большей частью по трехпольной системе, хозяйство является до сих пор характерными признаками земледельческого промысла не только у крестьян, но и у многих частных земледельцев. В зависимости от сего состоящая под культурой площадь используется у нас слабо, урожайность полевых растений низка, непостоянна, скотоводство поставлено плохо, а переработка продуктов сельского хозяйства развита недостаточно. Притом урожайность на крестьянских землях даже по сравнению с невысокими урожаями на владельческих экономиях менее в среднем на 20%. В отношении производительности и культурности сельского хозяйства Россия, несмотря на свои природные богатства, далеко отстала от других стран, достигших в этом отношении значительных успехов, благодаря затрате на обработку сельскохозяйственных угодий большого количества труда и капитала и применения усовершенствованных орудий и систем хозяйства».*

Особо стоит обратить внимание на *«переработку продуктов сельского хозяйства развита недостаточно»* собственно, программа импортозамещения в действии.

Сто лет назад это понимали, сейчас нет. Сейчас мы упорно продолжаем работать над запуском новых земельных угодий, то ли по привычке, то ли не по разумению. Или банально экономим деньги. Поддерживать эффективное состояние почвы, без болезней, богатой питательными элементами, гумусом, дороже, чем просто перейти на соседнее поле. Сегодня, зараженные поля, просто исключают из севооборота даже не пытаясь лечить. При этом зараженные поля начинают заражать чистые земли. На полтора поколения сил у земли может быть хватит. А дальше? А дальше на Восток.

Современная программа «Дальневосточный гектар», повторение переселения людей и освоения земель. Но, мало выделить

бесплатный участок и некую подъемную сумму. Необходимы длинные подъемные деньги, способные закрепить и развить переселенцев. Тяготы переселения в Сибирь компенсировались «легким» рублем и «супер» доступными кредитными ресурсами. Семья переселенцев за несколько лет упорного труда, могла нажить хорошее состояние по тем временам. Для сравнения ссудный процент ипотечного кредита Крестьянского банка составлял 7,5–8,5% годовых, причем на срок от 13 до 55 лет. Ссудный процент Дворянского земельного банка составлял 5,5% годовых, который в 1899 году был снижен до 4,5%. С рассрочкой до 5 лет. Ссудный процент единственного сельскохозяйственного банка «Россельхозбанка» от 15-17%, причем проценты сразу. С учетом всевозможным субсидий и иных преференций, максимум 13,5%. При условии, что возьмете минимум пятьдесят миллионов рублей.

Тогда, это стало возможно благодаря, в том числе, «Положению о мелком кредите»¹ (7 июня 1904 года). Предельный размер ссуд по доверию и поручительству – до 300 руб., под залог инвентаря и сельскохозяйственных продуктов – до 1 тыс. руб. На нынешний курс использую курс конверсии Счетной палаты как 1 : 1513,75.

Царский рубль	Российский рубль
300	454 125
1000	1 513 750

Если сравнить капитализацию и затраты на посевную (*семена, химия, техника и проч.*), то получается «по доверию» можно было получить до 3 млн руб., под залог урожая получается около 9 млн руб.

Согласитесь, если бы к «Дальневосточному гектару» прилагались 9 млн руб., то многие уже задумались бы о серьезном переезде. Тогда, за Урал переселилось около 2,5 млн человек.

Оставляя вопросы финансирования сельского хозяйства на второй план, любая власть сама себя закапывает в землю. Особенно, сегодня, когда рентабельность производства составляет 20%, при 17% банковских процентах годовых. Получается перекладывание денег из одного кармана в другой, аккумулируя виртуальную прибыль в продукции

¹ Принятие «Положения о мелком кредите» от 7 июня 1904 года и издание образцовых уставов в 1904–1906 годах, которые конкретизировали основные пункты Положения, сыграло значительную роль в дальнейшем развитии кредитных кооперативов в рамках складывающейся в Российской империи системы учреждений мелкого кредита.

для потребителя. Так как банковские проценты фермер закладывает в себестоимость продукции. Раскручивая маховик инфляции всё сильнее и сильнее. При этом фермер все время остается должен, до того времени, пока его имущество ещё ликвидное.

Дав старт аграрной реформе, Россия в полной мере уже не успела воспользоваться её результатами. В будущем её элементы встречались в принятиях государственных решений. Однако, отсутствие практических выводов о главенствующей роли человека сводили все усилия на нет. Не использование знания, как-то закона – есть отрицание и не освобождает от ответственности. Прежде всего, перед настоящим и будущим, которое, как показывает практика, может наступить в любой момент.

Цели и результаты стольпинской аграрной реформы

*Артур Иванович Пиреев,
начальник
Отдела научного использования документов
и справочно-поисковых средств
Государственного архива Саратовской области,
кандидат исторических наук, доцент*

Согласно точки зрения, утвердившейся в научной и публицистической литературе, стольпинская аграрная реформа, снимая экономические и юридические ограничения с крестьянской общины, дала импульс не к разрушению общины, а к её реформированию.¹ Ослаблением общинных пут предполагалось оживить крестьянский уклад, создать многоукладное сельское хозяйство. Рассматривая результаты реформы под этим углом зрения, и отмечая реально возникшее разнообразие форм крестьянского хозяйствования и плюсуя сюда некоторое оживление сельского хозяйства и определённые экономические успехи в целом, сторонники данного подхода, положительно оценивают её итоги. Полной же реализации аграрной политики роковым образом помешала Первая мировая война.

Здесь необходимо отметить, что указанный в литературе эффект, связанный с либерализацией земельных отношений, действительно имел место, и признаётся (хотя и в разной степени) и критиками, и,

¹ Шмелев Г. И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. – М. – 2004. – С. 142.

тем более, сторонниками реформы. Однако в данном случае, как представляется, объективными, фрагментарными успехами заменяется подлинная, подогреваемая политическими мотивами, цель П. А. Столыпина – разрушение общины и создание слоя крестьян-собственников.

Ход мысли П. А. Столыпина хорошо просматривается в его отчёте о состоянии Саратовской губернии за 1904 год. Община была подвергнута резкой критике, поскольку не только сковывала экономическую инициативу крестьянства, но, что с точки зрения П. А. Столыпина было особенно важно, закладывала бомбу под самодержавие. Отрицание общиной частной собственности на землю, порождало неистребимое стремление крестьян решить проблему малоземелья за счёт помещичьих угодий, а также поддерживало в них восприимчивость к идеям аграрного коммунизма. П. А. Столыпин противопоставляет общине крестьянина-собственника, так как *«мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве»* и обеспечивает полную согласованность *«интересов землевладельца и крестьянина»*.¹ Насаждение политически консервативного крестьянина-собственника в деревне он считал необходимым для *«переустройства нашего царства, на крепких монархических устоях, для создания преграды развитию революционного движения»*.

Такое видение П. А. Столыпиным проблемы, при котором связке *«община – аграрный коммунизм – разрушение самодержавия»* противопоставляется принципиально иная связка *«крестьянин-собственник – союзник помещику – надёжная опора власти»*, уже само по себе предполагало именно разрушение крестьянской общины, как основного источника социальной нестабильности.

Конечно же, П. А. Столыпин не стремился к полному, стопроцентному разрушению общины. Однако собственник, как он полагал, должен был доминировать, иначе реформа, с точки зрения поставленных целей, теряла смысл: не произошло бы социально-психологического перелома в деревне. О масштабах задуманного правительством разрушения общины примерное представление даёт сам П. А. Столыпин. Оценивая в 1910 году в Государственном совете промежуточные итоги своей политики, он отмечал, что с 1907 по 1910 год окончательно укрепилось более 11% домохозяев. Здесь же была нарисована обнадеживающая перспектива. Ещё 6–7 таких же периодов

¹ Воронезцев А. В., Пиреев А. И. Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). – 2-е изд., исправл., доп. – Саратов, 2012. – С. 219–220.

(по 3 года) и, уверял П. А. Столыпин, общины, «где она уже отжила свой век», в России не будет. Простой подсчёт показывает – из общины должно было выйти от 77 до 88% (с учетом первого трёхлетия) домохозяев.¹ В данном случае действительно влияние общины было бы подорвано необратимо.

В соответствии с поставленной целью разрабатывался комплекс мер, направленных как на поддержку крестьян, пожелавших выделиться из общины, так и на оказание экономического и административного давления на общинников, с целью вынудить их укреплять земельные наделы в собственность.

Указ от 9 ноября 1906 года,² являясь, по сути, документом идеологическим, содержал в себе действенный механизм разобщивания. Для начала процедуры выхода из общины и укрепления земли в собственность достаточно было личного заявления крестьянина. В том случае, если заявивший о выходе не получал необходимое большинство голосов на крестьянском сходе, дело передавалось на усмотрение земских начальников, которые, выполняя правительственные инструкции, решали его в пользу заявителя. Для создания заинтересованности крестьян к выходу из общины, указ провозглашал: *если хозяйства к моменту опубликования указа имели земельные излишки, то последние подлежали выкупу у общества по ценам 50-летней давности, которые в начале XX века были почти в 6 раз меньше рыночной стоимости.*³ В соответствии с законом от 14 июня 1910 года⁴ все общины, где переделов не было с момента наделения крестьян землёй, объявлялись подворно-наследственными, даже в тех случаях, когда выделы проходили, но доказать этого крестьяне не могли.

¹ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия : полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете 1906–1911. – М., 1991. – С. 248.

² Указ от 9 ноября 1906 года – Именной Высочайший указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Он разрешал крестьянам выделять свое хозяйство из общины вместе с землей. Указ поощрял выход из общины: «...каждый домохозяин, владеющий наделной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собою в собственность причитающейся ему части из означенной земли».

³ Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. – М., 2002. – С. 129.

⁴ 14 июня 1910 года был принят закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении», представлявший собой закон 1906 года, повторно, после бесчисленных многоступенчатых обсуждений, внесённый правительством в III Думу в январе 1908 года. Закон, кроме положений закона 1906 года, содержал также и важные новации, он явился следующим шагом в деле разрушения традиционной сельской общины.

С целью активизации деятельности местных властей (начиная от земских начальников и вплоть до писарей), официальная оценка их служебного соответствия, а также материальное положение ставились в зависимость от успешности реализации указа. Механизм административного давления действовал достаточно эффективно. Так, из общего числа крестьян, вышедших из общины, 73% вышли в результате конфликта с миром, т. е. при поддержке власти.¹

Правительственный аграрный курс переносил акцент с политики поддержки малоимущего общинного крестьянства, на поддержку, прежде всего, собственника. Например, агрономическая помощь оказывалась преимущественно выделившимся хозяйствам. Того же требовали и от земства, стремившегося оказывать равную помощь как выделенцам, так и общинникам, прокладывая путь кооперативно-агрономической альтернативе официальной политике.² Попытки крестьян перейти всем миром к многопольным севооборотам властью сдерживались, так же как и замена измелечавших и запутанных полос широкими.³ В итоге нейтрализовались все варианты переустройства аграрного сектора кроме правительственных. При этом в качестве средства подъема агрикультуры предпочтение отдавалось образцовым хуторам. Менялись акценты деятельности и Крестьянского банка. Предписывалась преимущественная продажа земли в собственность отдельным крестьянам, с одновременным созданием участковых хозяйств, а не селениям.

Каковы же были итоги реформы с точки зрения определённых правительством целей? К 1916 году в Европейской России из общины вышло 26,9% или 2478 тыс. домохозяев из 9,2 млн общинников. На хутора и отруба перешло всего около 10% всех вышедших из общины хозяйств. Подавляющая же часть крестьян укрепили землю чересполосно. В лоне традиционного общинного права оставались две трети русских крестьян. Надо признать, что результат был незначительным. Община выстояла убедительно.

Не менее важным, чем цифры и проценты, при оценке реформы является выяснение вопроса о социальном облике вновь появившегося собственника. Реально сложившаяся система земельных отношений

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII–начало XX в.). Т. 1. – СПб., 2003. – С. 481.

² Ефременко А. В. Агрономический аспект столыпинской земельной реформы // Вопросы истории. – 1996. – № 11/12. – С. 9.

³ Мацумато К. Столыпинская реформа и российская агротехническая революция // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 198.

в деревне, как минимум препятствовала формированию собственнической психологии. По данным А. М. Анфимова, более половины хуторян и отрубников были связаны с родной деревней общими выгонами, пастбищами, лугами. Половина единоличных хозяйств владели участками в двух, а четвертая их часть в трёх местах.¹ Чересполосное укрепление земель крестьянами мало походило на неприкосновенную частную собственность. На это указывали и современники. В 1911 году газета «Речь» отмечала: «2 миллиона личных собственников не обозначают собой разрушение общины в той мере, в какой это кажется с первого взгляда... преобладающим типом этих личных собственников оказывается чересполосник, «собственность» которого следует считать больше фразой, нежели реальным фактом».² Вновь появившиеся собственники имели весьма отдалённое представление о собственности. По данным Вольного экономического общества крестьяне иногда оставались в неведении относительно того, что стали собственниками. Нередко пускали укреплённую землю в частичный или «качественный» передел.³

Учитывая невысокий процент укрепившихся и незначительный удельный вес хуторян и отрубников, а также сохранение общинного духа, можно сделать вывод – П. А. Столыпину не удалось ни разрушить общину до задуманных масштабов, ни создать полноценного собственника (пробудить частнособственнический инстинкт), как подлинной опоры власти и союзника помещикам. Застарелый и столь громко заявивший о себе в 1905 году антагонизм между помещиками и крестьянами, по-прежнему стремившимися к «черному переделу», не только не был преодолен, но и стал впоследствии катализатором революционных событий 1917 года.

Здесь необходимо остановиться на факторах сдерживавших реформу. Не затронутое реформой крупное помещичье землевладение, сохранило весь комплекс полукрепостнических, кабальных форм эксплуатации крестьян (отработки, испольщина, зимний наём, высокая арендная плата), распространяя их как на общинников, так и на новоиспечённых собственников. Одновременно сохранялось и крестьянское малоземелье, препятствовавшее созданию полноценных хозяйств. При этом аграрная реформа, оторванная от активной промышленной политики, не только не уменьшила аграрного перенаселения, но и увеличила его. Город оказался не способен втянуть

¹ Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. – М., 2002. – С. 158–159.

² Речь. – 1911. – № 124. – С. 2–3.

³ Чернышев И. В. Община после 9 ноября 1906. Ч. 1. – Пг., 1917. – С. 2.

излишнюю в дереве рабочую силу. Избыток её, составлявший в 1901 году 23 млн человек, к 1914 году вырос до 32 млн человек.¹ Это же, в свою очередь, усиливало проблему малоземелья и способствовало сохранению общины как института социальной защиты. Примечательно, что подавляющая часть хуторян и отрубников также страдали от малоземелья, тем самым существенно снижалась привлекательность внеобщинного землеустройства.

Вокруг вышедших из общины создавалась враждебная среда: их изгоняли со сходов, отказывали в праве участвовать в покупках и аренде земли обществом, выделяли худшие земли, чинилась физическая расправа и т. д., что не могло не сдерживать от укрепления земли решивших порвать с общиной.

Сказывался недостаток финансов. Политика разрушения общины и насаждения хуторов и отрубков требовала приблизительно от 250 до 500 руб. на каждого, в то время как субсидии не превышали 165 руб. Денежных средств не хватало даже для частичного покрытия расходов по реформе на переселение и для широкомасштабного землеустройства.

Трудности дополнялись отсутствием квалифицированных кадров землемеров.

Ещё одним фактором стало морально-психологическое сопротивление крестьян введению личной собственности домохозяина на землю, что являлось исходным моментом аграрной реформы. В глазах крестьян эта мера означала либо быстрое измельчание земельных наделов, либо нарушение равенства в семье («огораживание» внутри крестьянского двора).² Идея равенства, составлявшая основу крестьянского менталитета, оказывала определяющее влияние и на хозяйственное поведение крестьян. Хозяйства охотно жертвовали потенциальным повышением производительности на укрепленных участках ради уравнительного распределения земель.³

Часто в литературе для доказательства жизненности земельных преобразований и принципиальной способности их вывести страну из кризиса используется приём экстраполяции результатов аграрной

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII–начало XX в.). Т. 1. – СПб., 2003. – С. 412.

² Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) : материалы международной конференции, Москва, 14–15 июня 1994 г. – М., 1996. – С. 29.

³ Туманов П. Некоторое влияние земельных реформ на производительность российского сельского хозяйства в 1905–1913 гг. // Экономика и математические методы. Т. 26. № 6. – 1991. – С. 1029.

политики 1906–1914 гг. на последующий период, не помешай реформе война. Однако такой подход не представляется убедительным.

Во-первых, к 1910 году число домохозяев, вышедших из общины, пошло на убыль и с 1910 по 1915 год резко и неуклонно сокращалось. В 1910 году вышло из общины 342,2 тыс. домохозяев, в 1912 году – 122,3 тыс., в 1914 году – 97 тыс., а в 1915 году – 29,9 тыс. Тенденция к выделам явно исчерпала себя.

Во-вторых, возросшее число крестьян, укрепивших землю в ходе землеустроительных работ по закону 29 мая 1911 года,¹ предусматривавшему землеустройство целых селений без выхода из общины, что воспринимается как доказательство перспективности реформы, то и здесь действительность оказалась сложней. Прежде всего, вызывает сомнения, насколько данный указ вообще соответствовал первоначальной цели, так как акцент реформы переносился с выделения крестьян из общины на внутриобщинное переустройство. Кроме того, из 1 млн 832 тыс. дворов, землеустроенных в период с 1911 по 1915 год, образовалось 909 тыс. единоличных хозяйств (большая часть укрепились чересполосно) и около 923 тыс. дворов взяли землю в групповое владение.² Таким образом, результат по своему качеству не достигал той радикальной реорганизации, о которой мечтали авторы аграрной реформы. Крестьяне вносили в ход реформы свои коррективы. Факт более чем 50%-го укрепления земли в групповое владение, а тенденция эта, судя по данным о землеустройстве с 1907 по 1915 год,³ нарастала, свидетельствует о стремлениях крестьян нащупать свой вариант аграрной реформации, не связанный с изживанием общинного духа и сломом общинных традиций.

В-третьих, при дальнейшем проведении реформы сохранялась бы и нарастала крайне неблагоприятная социальная структура деревни. К 1912 году она уже являлась весьма напряжённой: 63,8% составляли бедняки, 29,8% – середняки, 6,4% – зажиточные. При продолжении реформы (ещё на 10 лет) структура стала бы более контрастной: 66,2%, 28,1%, 5,5% соответственно.⁴ Зажиточный крестьянин-собственник явно никак не становился доминирующей силой деревни. В итоге

¹ 29 мая 1911 года был издан закон «О землеустройстве», который существенно детализовал положения ранее изданных законов 1906 и 1910 годов, заменив собой действовавшие де-факто ведомственные инструкции

² Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и стольпинская аграрная реформа. – М., 2001. – С. 203.

³ Там же.

⁴ Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. – СПб, 1998. – С. 337–338.

складывалась не только весьма напряженная социальная структура деревни, но и неустойчивая социально-политическая ситуация в целом, неспособная противостоять разрушительным влияниям как внешнего, так и внутреннего характера.

Первая мировая война выступает здесь скорее не как причина, прервавшая реформу, а как фактор, вскрывший принципиальную неспособность аграрной политики заложить прочные, внутренне непротиворечивые социальные основы новой России.

Причина неудачи коренилась в самом типе реформы и условиях её проведения. Крестьянство, которое, кстати сказать, не считало общину идеальным и единственным для себя способом существования, загонялось реформой в узкий коридор возможностей. Попытки же крестьян найти выход из создавшегося положения через такие формы самоорганизации как товарищества, артели, общинный переход к многополью, производственное кооперирование и т. д. как не соответствовавшие основному направлению реформ оставались на периферии аграрной политики. В итоге предложенный правительством вариант преобразований оказался неприемлемым для основной части крестьянства.

Успех любой реформы в значительной степени определяется её соответствием базовым элементам общества. Реформа же П. А. Столыпина была экстренной, время было упущено (весь пореформенный период), поэтому не могла в полной мере учесть все факторы социально-экономического, социокультурного, ментального характеров.

Столыпинская аграрная реформа: взгляд священника

*Дмитрий Юрьевич Мурашов,
учёный секретарь
Пензенской областной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова,
кандидат исторических наук*

Одним из важных источников по реализации столыпинской аграрной реформы являются воспоминания её современников. Они позволяют оживить сухие цифры отчётов, внести личностный колорит в освещение темы. Для Пензенского края таким источником служат записки священника Николая Федоровича Быстрова. В год начала столыпинской реформы Николаю Быстрову, чей отец также был священником, исполнилось сорок два года. За его плечами – Пензенская духовная семинария, двенадцать лет служения в сельской церкви, книги и статьи по истории Пензенского края и о религиозном воспитании детей.

Николай Быстров считает себя сторонником столыпинской реформы. В книге «Новые крестьянские хозяйства в Пензенской губернии», написанной как заметки туриста, он пишет: *«Я буду говорить только так, как сам выносил, в своей душе пережил. Общину я видел в продолжение тридцати лет и идиотизм её почувствовал всеми фибрами своего существа. В новом единоличном владении, в хуторском хозяйстве вижу залог новой, свободно-творческой крестьянской жизни. В первой – застой, угнетение, рабство и дела, и мысли. Во втором – бесконечные горизонты трудовой, светлой, радостной деятельности. Мои симпатии на стороне свободного труда и личной инициативы. В общину, в эту тёмную область пьянства, рутины, область душного крепостничества и развращения, пусть идут те, кто желает. Я туда никогда не пошёл бы...».*

Отец Николай проехал пять из десяти уездов Пензенской губернии, в которых посетил хозяйства крестьян, получивших наделы по закону 1906 года. По темпам реализации столыпинской реформы посещённые им уезды были разными. Так Инсарский уезд числился одним из лидеров, а Краснослободской шёл в числе отстающих уездов. Николай Федорович общался с крестьянами, чиновниками и деятелями земского движения, фотографировал хутора и вникал в быт каждой крестьянской семьи, получившей надел. Его книга вышла живой и информационно плотной, насыщенной разными, вплоть до мелочей, наблюдениями. Главные из них таковы.

Из двух форм вводимых столыпинской реформой частного крестьянского землевладения – отруб и хутор, – предпочтительным

является хуторской порядок.

Крестьянин-хуторянин воспринимает полученную землю как вотчину, испытывает к ней «стихийно-влюбленное отношение». *«Мы видели, – пишет Н. Ф. Быстров, – как выделившийся крестьянин в рабочую пору, покуривая трубочку, часами сидел на своей земле и любовался ею.*

– Что же ты сидишь здесь, когда другие работают?

– Свою вотчину осматриваю...»

Отец Николай отмечает «инициативу и энтузиазм» хуторян, но выражает сомнение в их успешном будущем, если со стороны государства и земства не будет поддержки. Интенсивное хозяйство требует иного подхода.

На роль помощника крестьян при проведении реформы отец Николай выдвигает сельского священника. Он понимает, что в своих рассуждениях, противоречит жизни, но все-таки проговаривает заветную мечту: *«а мы священника, в нашей земледельческой деревне, не иначе себе и представляем, как обязательно занимающегося сельским хозяйством. Как паства, так и пастырь. Куда поп, туда и приход. Ещё Златоуст говорил, что для него нет возвышенной картины, когда епископ, возвращается в страдную пору с поля, поучает своих духовных детей, усталых так же, как и он, от дневных трудов и жара, истинами святой веры и от дел житейских возводит мысль их к небу. Такой священник может разъяснить крестьянину самое положение о землеустройстве, рассеять все его напрасные страхи, выяснить преимущества новой жизни перед старым укладом. Скажет всё это крестьянину так просто, так ясно и убедительно, что крестьянин сразу поймет его и ...возражать не станет. А поле священника может сделаться своего рода образцовым полем или показательным, назовите как вам угодно».*

Сторонник столыпинской аграрной реформы Н. Ф. Быстров понимал, что аграрная реформа не имела поддержки среди большинства крестьян, но именно с ней отец Николай связывал их светлое будущее. Настроение большинства рождает вектор развития эпохи. И он не всегда, к сожалению, оказывается тем, что был нужен в данный момент.

**Столыпинское переселение
как школа борьбы за свои права:
конфликты старожилов и переселенцев
в начале XX века**

(тезисы)

*Алексей Константинович Кириллов,
старший научный сотрудник
Института истории Сибирского отделения РАН,
доцент Новосибирского государственного университета,
кандидат исторических наук*

Переселение миллионов крестьян в Сибирь в премьерство П.А. Столыпина принято называть столыпинским переселением. Это бурное, но краткое явление – часть более долгого процесса, включающего также и конец XIX века. Наплыв переселенцев кладёт конец ничем не ограниченному захватному землепользованию, появляется конкуренция за землю и высокие расценки за приёмные приговоры от старожильческих сельских обществ. Конфликты между старожилами и переселенцами приводили нередко к долгим разбирательствам при участии высокопоставленных чиновников. В сибирских архивах удалось найти материалы нескольких таких споров, предельно подробно документированных. Имеющиеся документы позволяют взглянуть на эти дела и глазами переселенцев, и глазами старожилов, увидеть борьбу мнений в администрации. Изучение старожильческо-переселенческих конфликтов показывает развитые навыки юридической борьбы простых крестьян за свои права. Видна ключевая роль крестьянского самоуправления, а не органов государственной власти, в решении противоречий, связанных с нарушением закреплённых в законе прав одной из сторон. Самостоятельность рядовых граждан, привычка опираться на свои силы – одна из ключевых черт, видение которых необходимо для правильного понимания дореволюционного российского общества.

Пионеры Дальнего Востока: крестьянское переселение

*Елена Викторовна Коваленко,
специалист по экспозиционной и выставочной деятельности
Амурского областного краеведческого музея*

Для дальневосточных регионов переселение – процесс не новый. Именно из переселенцев – из самой России или из-за рубежа, – исторически складывалось население восточных окраин страны.

В чём же основные причины массового заселения Приамурских территорий?

Амурский край всегда имел для Российской империи большое значение, так как Россия не владела заокеанскими колониями и, следовательно, Сибирь и Дальний Восток оставались единственными районами, куда можно было выселить избыточное население. В конце XIX века правительством была признана необходимость обратить особое внимание на закрепление Приамурского края за Россией, а без интенсивной колонизации этого сделать было невозможно.

Планы укрепления военных сил в устье Амура и на Тихоокеанском побережье также требовали скорейшего заселения Приамурья и развития экономики данных территорий. Задача формирования на обширных землях постоянного трудового, в первую очередь крестьянского, населения оказалась одним из главных направлений деятельности администраторов и органов управления Приамурья конца XIX века. С этой целью Н. Н. Муравьевым¹ были составлены «Правила переселения в Приамурский край», которые, как считал генерал-губернатор, были основаны на учёте всех условий переселения «*в большом размере*». Проект предусматривал широкую свободу переселения на Амур лиц всех свободных сословий, выбор мест водворения, безвозмездное пользование землёй в течение 20 лет и освобождение от рекрутской повинности на 10 наборов. При этом переселение должно было совершаться за свой счёт (пособий от казны не полагалось), но предполагались ссуды на приобретение скота и земледельческих орудий, а также в первые годы водворения ссуды

¹ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский (1809–1881) – российский государственный деятель, с 1847 по 1861 год служил генерал-губернатором Восточной Сибири. Генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В истории расширения российских владений в Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский сыграл видную роль: ему принадлежит почин в возвращении Амура, уступленного Китаю в 1689 году.

натурой – семенами и продовольствием. Однако при рассмотрении данного вопроса в Сибирском комитете, свободное переселение из Европейской России было признано недопустимым, и 8 декабря 1858 года император утвердил временные «Правила для переселения из Восточной Сибири в Приамурский край». Эти правила стали первым законодательным актом о начале переселения свободных земледельцев на Амур, но за время их действия до 1861 года в Амурскую область не попал ни один переселенец из Восточной Сибири, хотя правилами руководствовались при организации переселения государственных крестьян из Европейской России.

Массовое переселение в Амурскую область начинается с 1858 года, после подписания Айгунского договора. Весь процесс заселения территории области можно разделить на три периода:

Первый период (1859–1900) – переселение осуществлялось за счёт переселенцев без какой-либо государственной поддержки; за эти 42 года в область водворилось 6524 семьи (36286 душ обою пола, в среднем за год по 124 семьи, или 900 душ);

Второй период (1901–1905) – открытие Забайкальской железной дороги и оказание государственной помощи переселенцам; за 5 лет водворено 2705 семей (15229 душ обою пола);

Третий период (1906–1912) – многоплановая работа переселенческой организации, водворено 14669 семей (72123 души обою пола, в среднем 10303 души за год).

В 50-е гг. XIX века переселение крестьян велось сухопутно и сопровождалось большими лишениями. Длилось до 1,5 лет. Болезни, смертность, падёж скота и лошадей – это далеко не все невзгоды, с которыми приходилось сталкиваться переселенцам. На место они приходили истощёнными, а нужно было сразу начинать работать. Прилив населения шёл медленно.

Весной 1857 года вниз по Амуру были отправлены первые три сотни переселенцев из Забайкальского казачьего войска, которые под личным наблюдением Н. Н. Муравьёва заселяли левый берег Амура. В этом же году подрядами иркутских купцов по Амуру был организован первый сплав съестных припасов. Позже такие сплавы были предприняты в 1858 и 1859 годах. Но снабжение сплавами было не единственной трудностью, с которой столкнулись первые поселенцы, с собой приходилось везти всё: скот, земледельческие орудия, стройматериалы, посуду. Так как доставка была возможна только в тёплое время, в течение полугода не могло быть и речи об исправлении допущенных ошибок, нужно было ждать следующей навигации.

В 1857–1858 гг. в Амурской области возникло 28 селений. Далее колонизация приамурских земель становится всё шире, особенно она усилилась после официального предложения крестьянам Европейской России переселяться на свободные земли Амура. 25 декабря 1858 года в Амурский край было решено переселить: 300 семейств из Вятской губернии, 200 – из Пермской, 50 – из Тамбовской и 50 – из Воронежской (всего 600 семейств).

Свободная крестьянская колонизация в Амурской области началась вблизи Благовещенска и шла параллельно с его развитием в ближайших местностях Зейско-Бурейской равнины, на берегах Амура и Зеи. Первыми переселенцами были духоборы Таврической и Самарской губерний, которые поселились в 1859 году в 8 верстах от Благовещенска, основав деревню Астрахановку. В 1860 году выходцы из Пермской, Енисейской и некоторых других губерний основали Белогорье, Егорьевку по правому берегу Зеи, Черемховское на реке Будунде и Александровку на Томи.

Для всех переселенцев применялись общие правила:

- освобождение от общественных обязательств, если за семьями нет недоимок, и если переселение будет признано полезным;
- прошения можно подавать на простой бумаге;
- на месте водворения переселенцам будет отведено столько земли, сколько хозяин в состоянии обработать;
- палате Государственных имуществ необходимо наблюдать, чтобы переселенцы были в состоянии вынести трудности пути, не допускать к переселению семьи с большим числом малолетних и пожилых, в семье должно быть не менее двух работников.

Эти правила были дополнены Н. Н. Муравьёвым. Губернаторам Амурской и Приморской областей было предписано:

- на мужскую душу должно выделяться не менее 21 десятин удобных земель;
- крестьяне не должны селиться в местах, предназначенных для казачьих станиц, где есть селения маньчжуров и других инородцев;
- в городах и селениях отводить под усадьбу вдоль Амура не более 50 сажень, чтобы было возможно дальнейшее переселение, удалённо от Амура можно занимать земли, сколько смогут обработать.

Иностранцы желающие переселиться в Амурскую область должны были обязательно вступать в русское подданство и селиться внутри приамурских областей. Поселение в стратегически важных пунктах

разрешалось коренным русским или славянам.

В 1860 году к переселенцам было вторично приселено 586 человек штрафных солдат. Тем самым хотели увеличить число рабочих, но это привело к грустным результатам т.к. это бессемейное, развратное житьё «сынков» не помогало, а служило бременем окрестному населению и правительству, которое должно было кормить их.

Заканчивая свою деятельность в Восточной Сибири, Н. Н. Муравьёв-Амурский разработал проект новых «Правил для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях». 26 марта 1861 года эти правила получили силу закона и просуществовали (с некоторыми изменениями в 1882 и 1892 годах) до 1901 года.

В 1861 году в Амурскую область прибыла последняя из первоначально образованных для переселения на Амур партий государственных крестьян численностью 249 душ обоего пола. Именно с этого года, согласно мнению Сибирского комитета, водворение государственных крестьян в Амурской области на казённый счёт должно было прекратиться. Это решение естественно уменьшило бы эмиграцию, если бы не Манифест 19 февраля 1861 года, который уничтожил крепостную зависимость в России. Это был толчок новой волны переселения в Амурскую область вольных крестьян, где их ждали пожизненное освобождение от подушной подати и рекрутской повинности на 10 наборов, а также льготы для приписки к городам нового края (освобождение от представления увольнительных свидетельств от прежних обществ, от платежа по новому месту жительства всяких пошлин, от государственных повинностей, от военного постоя на 10 лет и от поставки рекрутов на 10 наборов). Льготы о приписке действовали до 1886 года.

В 1862 году прибыли первые добровольные переселенцы из Полтавской, Орловской и Тамбовской губерний. В 1863 году переселилось 1260 человек из Забайкальской волости, это было окончание обязательного переселения казаков. В 1864 году заселилось 1220 душ обоего пола из Забайкальской, Томской, Самарской и Астраханской губерний. С 1869 года волна переселения ослабла.

С 1862 года шло добровольное переселение крестьян различных губерний без правительственной помощи. Путь переселенца обычно длился 2–2,5 года. Трогались в путь ранней весной. Семья в 6 душ тратила на дорогу в среднем 400–500 руб., т. е. около 80 руб. на душу. О положении в крае, льготах, путях и способах передвижения они узнавали из писем земляков и родственников. Средства

на переселение получали от ликвидации хозяйства на родине и продажи имущества. Не все имели средства на переселение, более зажиточные своими ссудами вытягивали остальных, которые позже выплачивали свой долг, уже на месте совместного поселения. По прибытии в область, часть новоселов сразу направлялась в места водворения, большинство же останавливалось у приехавших ранее родственников. Это было выгодно, так как вновь приехавшие узнавали у старожилов особенности ведения хозяйства в новых условиях, а своими заработками могли улучшить материальное положение семьи.

Среди переселенцев были запасные нижние чины местного военного округа, которые оставались на жительство в крае. Но чины эти часто зачислялись на участки фиктивно, не водворялись на них, а занимались отхожими промыслами или возвращались на родину.

При прибытии на новое место жительства малыми партиями каждая семья зачислялась в сельское общество старожилов, которые имели земельные запасы. Если партия состояла из 15 и более семей, имелась возможность образования нового поселения, которое называли по желанию переселенцев. Крестьяне редко могли поселиться по берегу Амура, т. к. эти земли были заняты казаками, но зато свободно могли селиться на обширной равнине Буреи и Зеи. Здесь с 1862 по 1894 год в течение 32 лет было занято 650 тыс. десятин – это по 125 десятин на двор. Лицам или обществам, желавшим получить землю на праве временного пользования, земля отводилась бесплатно на 20 лет сплошным участком площадью до 100 десятин на семью с условием, что земля должна быть обработана в течение 5 лет. Если владелец в этот срок не сможет обработать землю или её часть, государство вправе вернуть участок в свое распоряжение. Лица или общества, получившие землю во временное пользование, могли выкупать её в собственность по 3 руб. за десятину. Т. к. земли было достаточно, мало кто стремился к выкупу своих земельных наделов, несмотря на льготную цену. Только отдельные домохозяева устраивали свои заимки (хутора). В 1890 году таких мелких собственников было 240, на долю каждого приходилось немногим более 110 десятин. В числе этой категории землевладельцев были 135 мещан, 82 крестьянина, 13 дворян и чиновников, 7 золотопромышленных компаний.

С начала 1880-х гг. в переселенческой политике правительства произошли некоторые изменения. Временными правилами от 10 июля 1881 года¹ переселение было официально узаконено, были приняты

¹ Под давлением революционного движения и по рекомендации самих помещиков правительство Александра II утвердило 10 июля 1881 года «Временные правила

некоторые меры для помощи переселенцам в пути. Закон от 13 июня 1889 года¹ признал переселение «народной потребностью, подлежащей удовлетворению». В 1892 году срок действия закона 1861 года² был продлён ещё на 10 лет, но с некоторыми изменениями:

- от переселенцев теперь требовалось доказательство имущественного ценза, достаточного для переселения и устройства на новом месте без помощи от казны;
- ограничивалась покупка казённых земель в собственность;
- запрещалась продажа земли иностранцам.

Все эти ограничения были усилены законом от 13 мая 1895 года,³ по которому запрещалась продажа земель в частную собственность вблизи линий Уссурийской и проектируемой Амурской железной дороги, а все прочие земли могли продаваться только с разрешения приамурского генерал-губернатора. Таким образом, возможность

о переселении крестьян на свободные казённые земли». Данные правила допускали переселение тех крестьянских семей, которые начали выкуп своих наделов и чьё экономическое положение вынуждало к переселению. Местные органы власти проверяли имущественное положение заявивших о переселении и направляли их ходатайства вместе со своими заключениями на рассмотрение министерств внутренних дел и государственных имуществ. Распродавать имущество и переселяться можно было только после разрешения этих министерств. Казённые палаты перечисляли недоимки вслед за переселенцами по местам их водворения. Этот пункт перешел в «Правила» из прежнего законодательства. Министерству государственных имуществ поручалось отводить переселенцам свободные казённые земли в Европейской и Азиатской России (территория, которая находилась за Уралом) в краткосрочное (на 6–12 лет) пользование, в размерах не более 8 десятин на душу. За получаемую землю новосёлы обязывались платить оброчную подать сообразно с действительным доходом, который казна получала с каждой оброчной статьей до водворения переселенцев.

¹ Закон от 13 июня 1889 года «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казённые земли».

² 19 февраля 1861 года, Александром II, был подписан закон об отмене крепостного права «Общее Положение о крестьянах вышедших из крепостной зависимости». Манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» сопровождался целой серией законодательных актов, касающихся вопросов освобождения крестьян, условий выкупа ими помещичьей земли и размеров выкупаемых наделов по отдельным районам России. Настоящее «Общее Положение...» являлось основным законодательным актом, определяющим пути и способы освобождения крестьян в России.

³ В 1895 году, в связи с сооружением Уссурийской и проектированием Амурской железных дорог продажа земли в зоне строительства была запрещена в полосе шириной 100 вёрст по обе стороны планируемой линии строительства. Главным мотивом принятия такого решения было нежелание казны нести дополнительные затраты по отчуждению казённых земель.

приобретения земли в частную собственность практически была сведена на нет.

С 1859 по 1901 гг. в Амурскую область прибыло 6480 семей, или 36286 душ обоего пола, они основали 124 селения. Образованные в этот период селения расположились:

- по правому берегу Зеи;
- по левому берегу Амура, выше Благовещенска, где они вкрапливались отдельными деревнями среди казачьих станиц;
- по реке Томи;
- в нижнем течении Буреи и дальше к востоку, на среднем течении Архары;
- основная масса переселенцев осела в юго-западной части Зейско-Бурейской равнины.

Переселенцы 1859–1900 гг., широко расселившись по лучшим площадям Зейско-Бурейской равнины, в короткий срок заложили основы крестьянских хозяйств. Их стали называть старожилами. Затратив немало энергии на обустройство местности, они, создали обустроенные селения, широко развили хлебопашество на целинных землях и создали базу для дальнейшей земледельческой колонизации области.

Кроме расселения обществами, часть переселенцев, селилась отдельными семьями и, приписавшись в мещане Благовещенска, также получали участки до 100 десятин во временное пользование или покупали их в собственность. Заведя хозяйства и окрепнув, они выкупали или прикупали соседние участки. Таким образом, вблизи города возникли крупные частновладельческие хозяйства – заимки с капитальными жилыми и надворными постройками, богатым сельскохозяйственным инвентарем и площадью от 50 до 500 десятин. Нередко собственники на границах своих участков, создавая небольшие хутора и заимки. Это заимки Исаевская в 23 верстах от Благовещенска, Буяновская и Ефремовская по р. Маньчжурке, Болотинская, Дружинская и Ланкинская по Гильчину. Некоторые из них насчитывали до 10 дворов.

В 1900 году закончился период переселения в Амурскую область на началах закона от 26 марта 1861 года.¹ Одновременно открылось

¹ Переселенцы по закону от 26 марта 1861 года не получали каких-либо средств от государства и могли переезжать на Дальний Восток лишь за свой счет. Такие тяжелые условия были установлены правительством для того, чтобы основная масса крестьян, т. е. беднейшее крестьянство, не могла уехать на восток. Переселенческий закон от 26 марта 1861 года позволял переезжать на колонизируемые

движение по Забайкальской железной дороге, и переезд в Амурскую область значительно облегчился. Как только был построен сплошной рельсовый путь, переселение увеличилось. Весь переезд переселенцы оплачивали сами, но переселенческое ведомство облегчало им этот путь:

- были пониженные тарифы перевозок;
- для перевозки семей использовали улучшенные вагоны;
- был установлен особый порядок движения поездов, с целью избежать скопления переселенцев в отдельных пунктах;
- в пути оказывалась медицинская и отчасти продовольственная помощь.

Переселенцы, следующие в Амурскую область, первоначально останавливались в переселенческом пункте ст. Сретенской в Забайкалье, а затем, пересев с железной дороги на баржи и пароходы, сплавливались по рекам Шилке и Амуру. Когда новосёлы приходили в область, они останавливались в переселенческих пунктах г. Благовещенска или ст. Черняевой – здесь были устроены бараки, больницы и отсюда переселенцы, снарядившись всем необходимым, отправлялись на избранные места. Пароходы для расселения по территории области, как правило, нанимали в Благовещенске.

Для дешёвой покупки земледельческих орудий в крупных населённых пунктах Амурской области были открыты переселенческие склады, которые отпускали переселенцам товар с рассрочкой платежа. По мере того как районы заселения удалялись от торговых центров, переселенческие управления открывали лавки с накидным процентом на товары первой необходимости, где товар переселенцам отпускали за наличные или в счёт причитающейся переселенцам ссуды. Такие лавки сбивали цены у местных торговцев и удешевляли жизнь переселенцев.

В начале XX века в Амурской области средняя стоимость самостоятельного, не зажиточного хозяйства, равнялась 1390 руб. Расходы в первый год водворения, без продовольствия, составляли около 745 руб. Такие средства были у единиц. Все остальные нуждались в заработке, чтобы прокормить семьи.

Ссуда, выдаваемая переселенцам на семью, составляла 150 руб. и в особых случаях могла увеличиваться. Часть ссуды получали

земли Дальнего Востока, в основном, крестьянам-среднякам. Этот переселенческий закон имел двойственный характер. С одной стороны, разрешалось всем желающим переселяться на Восток, а с другой, в угоду помещикам и капиталистам центральной части России, установленные условия переезда не давали возможности основной массе крестьянства – бедноте и разоряющимся середнякам – переселяться.

в переселенческом управлении, остальную сумму – при водворении на место проживания. Деньги могли выдаваться и в пути для покупки крупного рогатого скота и лошадей. Наконец, выдавались путевые ссуды, когда вновь прибывшие переселенцы направлялись из переселенческого управления на свои участки.

В фондах Амурского областного краеведческого музея им. Г. С. Новикова-Даурского хранится водворительный билет переселенца Осиповского участка, поселка Троицкого, Амурского уезда Родивилова Игоря. 20 мая 1911 года он с женой Пелагеей, сыном Николаем и дочерью Анной прибыл в Амурскую область на жительство. Водворенной семье было предоставлено 2 доли душевого надела и выдана ссуда на домообзаведение. Ссуда выдавалась частями в течение четырех лет: 26 мая 1911 года – 50 руб., 23 июня 1911 года – 100 руб., 13 апреля 1912 года – 50 руб., 5 февраля 1913 года – 15 руб., 26 февраля 1914 года – 80 руб. Таким образом, семья Радивилова Игоря, состоящая из 4-х человек, на домообзаведение получила 295 руб. Существовали правила, по которым ссуды выдаваемые переселенцам должны были быть возвращены государству. В водворительных билетах указывалось: *«Возврат ссуд производится по истечении пяти льготных лет в течение десяти следующих лет срочными в равных частях ежегодными платежами. Пятилетний льготный срок исчисляется со времени выдачи ссуд».*

Ссуды, выдаваемые переселенцам, были слишком малы для бедноты, которая преимущественно шла из России. Кредиты открывались несвоевременно, и за ссудой приходилось порой несколько раз ездить в переселенческий пункт. Обычай выдавать ссуду по частям тоже вызывал нарекания. Но такими частичными выдачами старались заставить переселенцев прочно осесть на местах и избегать их отъезда после получения полной ссуды. Нередко переселенцы были разочарованы новыми землями и отказывались селиться на отведенном участке. По этим причинам они старались найти другие участки для заселения либо возвращались обратно на родину.

Подобные негативные явления были вызваны тем, что в 1906–1907 гг. правительство разрешило переселение крестьян без посылки ходоков. Это вызвало резкое увеличение потока переселенцев. Заготовленных участков оказалось недостаточно. Помещений, медикаментов, денег для ссуд переселенцам не хватало. Всё это их сильно волновало, т. к. основной массой «стольпинских переселенцев» была крестьянская беднота малороссийских и среднечерноморских губерний – Полтавской, Киевской, Черниговской, Харьковской, Могилевской, Тамбовской, Воронежской.

Как правило, переселенцы имели только скудные денежные средства и домашний скраб. Положение было настолько серьёзным, что случались даже стычки между переселенцами и чиновниками переселенческих управлений, нередко государственные чиновники нуждались в охране.

15 августа 1907 года был отменён порядок переселения без посылки ходоков. А к 1910 году в результате усиленной нарезки переселенческих участков было готово 40–50 тыс. свободных душевых долей для заселения.

22 июня 1900 года были Высочайше утверждены «Временные правила для образования переселенческих и запасных участков в Амурской и Приморской областях». Согласно этим правилам с 1 января 1901 года вместо 100-десятинного семейного надела переселенцы получали на каждую душу мужского пола не более 15 десятин удобной земли, включая лесной надел. Селения, образованные до 1 января 1901 года и не получившие земельного отвода, наделялись по прежней норме. В правилах предусматривался отвод небольших участков, площадью до 60 десятин (45 десятин удобной земли и 15 десятин земли годной для выпаса) для хуторских поселений.

С этого времени начался перелом в колонизационной политике правительства на Дальнем Востоке и разделение переселенцев на две группы: стодесятинников-старожилов и новосёлов.

Вместе с тем, уменьшив норму земельного надела, правительство встало на путь активного содействия переселенцам. В начале 1901 года была учреждена Амурская землеотводная партия для заблаговременного отвода участков переселенцам. Выдача ссуд на хозяйственное обустройство стала носить планомерный характер. Законом от 6 июня 1904 года высшая норма ссуд для переселенцев в Приамурский край была доведена до 200 руб. на семью, в отдельных случаях её можно было увеличивать.

С 1 января 1906 года все отрасли переселенческого дела были объединены в реформированном Переселенческом управлении Главного управления землеустройства и земледелия. Колонизируемые местности за Уралом были разделены на районы и подрайоны. В Амурской области был образован Амурский переселенческий район и два подрайона – Селемджинский и Буреино-Архаринский. Амурским переселенческим управлением в 1906 году:

- начато дорожное и гражданское строительство (возведение зданий больниц и переселенческих пунктов);
- предпринято изыскание источников воды;
- организована врачебно-продовольственная помощь

переселенцам, расширены и основаны перевалочные пункты в Благовещенске, Сретенске, станице Черняевой;

– обеспечена перевозка переселенцев по Шилке и Амуру.

Деятельность переселенческой организации ежегодно расширялась. В отдалённых районах организовывались торгово-продовольственные лавки и сельскохозяйственные склады, начиналось церковно-школьное строительство, открывались школы, учреждались разъездные причты для удовлетворения религиозных нужд переселенцев. Началась организация ветеринарной помощи и была открыта первая скотолечебница. Были организованы агрономическая помощь переселенцам и осушение болотистых земель, основана сеть опытных полей и метеорологических станций. Одной из насущных задач оставалось внутринадельное размежевание старых и новых переселенческих посёлков.

В Амурской области переселенческие участки готовились в основном в бассейне р. Зеи и её притоков, затем на Зейско-Бурейской равнине и вдоль колесной дороги из Благовещенска в Хабаровск, несколько позже – вблизи железнодорожного моста через р. Зею. Существовал определенный порядок подготовки новых земельных участков. Земельные партии осматривали районы, пригодные для заселения. После проведения хозяйственных съёмок отграничивали переселенческие участки в зависимости от особенностей местности и качества земли. В условиях границы с Китаем землемерам приходилось вести работы и на китайском берегу. Между Россией и Китаем существовали взаимные договоренности на проведение таких работ. Документы на право ведения работ выдавались на русском и китайском языках на имя руководителя работ и были правомочны и на территории Китая.

«Охранный лист

выданный пограничным комиссаром Амурской области

20 июня 1917 г. № 1277

г. Благовещенск

Гражданину землемеру партии по образованию переселенческих участков в Амурской области В. И. Южину с тремя рабочими, имеющему при себе, для самозащиты одно ружьё системы «Бердана» и дробовое ружьё в том, что они имеют надобность в посещении китайского берега Амура во время производства им работ на русском берегу.

Того ради власти Великой Китайской Республики благоволят названному лицу чинить свободный пропуск, покровительство и содействие, согласно существующих трактатов и дружественных отношений двух Государств.

Настоящий охранный лист за надлежащим подписом и приложением казённой печати».

Недостаток землемеров и необходимость выделения большого количества участков влияли на их качество. Кроме этого, групповые ходоки часто недобросовестно относились к выбору участков. Отвод групповых участков не позволял одиночным переселенцам селиться на хороших участках, хотя многие из них пустовали, в 1908 году из 58500 душевых долей для групповых ходоков было заселено всего 11500.

Несмотря на трудности, с которыми приходилось сталкиваться во время переселения, число переселенцев из центральной России в Амурскую область постоянно возрастало. Лучше всего об этом говорят статистические данные. В 1906 году в Амурскую область переселилось 2800 душ обоего пола, в 1910 году – 20908. В том числе переселенцы, ежегодно прибывающие самовольно. Они не пользовались льготами по переезду, не имели право на ссуды – но, в конце концов, после определенных хлопот получали эти льготы.

Несмотря на все блага переселения некоторые переселенцы возвращались на родину. В 1906–1911 гг. вернулись обратно в западные районы 22707 душ обоего пола. Анализируя переселенческие документы, можно выделить следующие причины возврата: плохое качество переселенческих участков, отсутствие дорог к местам водворения, незначительные ссуды на обустройство хозяйства, несвоевременное открытие кредитов, неподходящие соседи.

В сравнении с казаками-переселенцами, крестьяне-переселенцы были в более выгодном положении, так как были свободны в выборе новой осёдлости. Свобода хозяйствования давала им возможность стать более зажиточными, введённая в начале XX века всеобщая воинская повинность была менее обременительна для крестьян, чем для казаков, и даже военные действия улучшали быт крестьян-переселенцев, которые занимались перевозками и поставкой сельскохозяйственной продукции по повышенным ценам. Крестьяне не несли натуральные повинности.

Переселенцы-новосёлы, прибывшие в область после 1906 года и составившие большую часть её населения, представляли сложный по этническому, конфессиональному и социальному составу конгломерат и в ходе обустройства не всегда могли образовать общность, связанную территориальными интересами, выработать характерные культурные, бытовые и хозяйственные традиции в новых условиях.

В начале XX века на территории области удобных

в сельскохозяйственном отношении земель насчитывалось около 1 млн десятин, но они не составляли сплошных пространств и нередко были разобщены горными хребтами, топиями, болотами и почвой, непригодной для земледелия и скотоводства.

Первые поселенцы имели возможность занять более плодородные и легкие для разработки земли. Самой пригодной для хлебопашества считалась Зейско-Бурейская равнина.

Несколько слов об особенностях земледелия в хозяйствах амурских переселенцев.

Амурская область по своим климатическим условиям значительно отличалась от центральной России, но это не мешало переселенцам приспособляться к новой системе возделывания земель, в основном благодаря опыту прибывших ранее. Сеяли обычно на целине, пока земля давала сносные урожаи, как правило, в течение 6–9 лет, затем оставляли поля на некоторое время для отдыха, потом опять пахали до нового истощения. Такая система обработки земли сложилась при значительном избытке новей, и применять более совершенные методы земледелия крестьяне не торопились. Если урожаи уменьшались, поле бросали и разрабатывали новое. Поля обычно давали высокие урожаи, и именно поэтому долгое время незаслуженно поддерживалась репутация высокой плодородности амурских земель. Чернозёма, такого как в центральной России, в Амурской области нет, черный цвет почве дает растительный перегной, плодородный слой тонок и беден минеральными солями, именно поэтому пашенные земли, используемые без удобрений, быстро истощались.

На рубеже XIX–XX вв. в сельском хозяйстве Приамурья преобладала общинная форма землевладения. Выгоны и лесные угодья были в мирском пользовании, пахотной землёй пользовались на правах захвата, т. е. распахивали столько, сколько семья могла обработать. Усадьбы находились в подворном наследственном владении хозяев. Существовали также собственность на землю и аренда казённой земли. Но желающих получить землю в собственность было мало, т. к. у крестьян в пользовании находились наделы до 100 десятин, а цены на рабочие руки, вследствие дороговизны продуктов первой необходимости, устанавливались очень высокие. Несмотря на закон от 26 марта 1861 года,¹ предоставивший право приобретения частной

¹ Переселенческий закон от 26 марта 1861 года позволял переезжать на колонизируемые земли Дальнего Востока, в основном, крестьянам-середнякам. Основная масса крестьян, не могла уехать на восток, так как помещики не хотели лишиться возможности эксплуатировать крестьян-бедняков.

земельной собственности, частное землевладение в Амурской области не получило значительного развития. Общая сумма земель, находящихся в частной собственности в 1895 году, составляла всего 40868 десятин, в 1903 году – 41932 десятин, в 1914 году – 46981 десятин.

Сев хлебов обычно вёлся с середины апреля до середины июня. В основном сеяли яровую пшеницу, яровую рожь, ячмень, овес, просо, гречиху, лён, коноплю, табак, арбузы и дыни. Также широко был распространён картофель. Жатва занимала время с конца июля до середины сентября. Летом поднимали целину, осенью землю перепахивали, весной следующего года боронили и засевали поля. Из-за малоснежности зим и сильных морозов озимые хлеба почти не сеяли (за исключением Вехне-Амурского округа). Молотьба обычно продолжалась до февраля. Сортировок и даже хороших оцинкованных решёт для просеивания зерна в крестьянских хозяйствах не было. Большинство хозяев сушили хлеб в зерне перед отвозом на мельницу – зимою на печи, летом на солнце. Зерновой хлеб чаще всего мололи ручными жерновами по мере надобности. Широко были распространены водяные и конные мельницы, ветряных мельниц ставили мало, т. к. ветры зимой редки.

Увеличение площади посевов, недостаток и дороговизна рабочих рук убедили амурских земледельцев в необходимости использования сельскохозяйственных машин – это стало характерной особенностью земледелия на Амуре. По количеству и разнообразию сельскохозяйственных орудий и машин Амурская область стояла на 1-ом месте в России. Вот несколько цифр о росте использования сельскохозяйственных машин:

Количество сельскохозяйственных машин в крестьянских хозяйствах (шт.)

Сельскохозяйственные орудия	Годы	
	1890	1914
Орудия для подъёма земли	11	2092
Орудия для почвы	–	263
Сеялки	2	429
Уборочные машины	18	1485
Сенокосилки	4	437
Конные грабли	4	1080

Наибольшее количество сельскохозяйственной техники было у частных собственников, зажиточных крестьян и казаков. Все сельскохозяйственные машины завозились из Америки и Германии. Сложности заключались в том, что ввозимые сельскохозяйственные машины стоили дорого, а местное население, не имея специалистов

по их эксплуатации и ремонту, при любой поломке было вынуждено покупать новую технику. Это было очень накладно и подрывало благосостояние даже прочных крестьянских хозяйств, а также влияло на себестоимость зерна – цены росли. Существовали сельскохозяйственные общества, которые имели прямые связи с Америкой и поставляли в Амурскую область машины на 10–20% дешевле сложившейся на рынке цены. По причине дороговизны сельскохозяйственной техники в начале XX века в Приамурье расширяется кустарное производство простейших земледельческих орудий, которые были дешевле заграничных и пользовались хорошим спросом.

Расцвету земледелия в области способствовало интендантство. Зерно для воинских частей интенданты закупали без посредников, часто давая задаток земледельцам под будущий урожай. Благодаря этому земледельцы Амурской области, почти всегда, имели сбыт всего предполагаемого к продаже зерна. То, что хлебопашество выгодно, подтверждалось зажиточностью старожилов, а новоселы уже через 3–5 лет становились обеспеченными. Доказательством этому служили вклады в сберегательные кассы. На начало XX века в сберкассах области числился 1 вклад на 60 человек земледельцев, в среднем на 360 руб.

Огородничество в крестьянских хозяйствах было развито в той мере, насколько это являлось необходимостью. Огородничество велось в скромных размерах. Как правило, огороды разбивали на усадебной земле, грядки совсем не поливали.

Сенокосение было развито в районах, которые были расположены недалеко от рынков сбыта: городов, воинских частей и золотых приисков. В силу объективных причин сенокосение было хорошо развито у казаков. Сено косили не очень хорошего качества, трава нередко перерастала в дудку. Часто уборка совпадала с дождливым временем. Чтобы сено было лучше, весной выжигали сухую траву, палы уничтожали большие лесные пространства, что приносило немалый ущерб. Опыты, проводимые в Амурской области, доказали, что хорошие результаты в сенокосении даёт сеяние сои и тимофеевки, но значение клевера, люцерны и дикой флоры в этот период было мало выяснено или совсем неизвестно. Для опытов над малоизвестными культурами отводили специально оборудованные поля.

Бахчеводство, табаководство, садоводство не играли большого значения в экономической жизни Амурской области – это было только подспорьем или дополнением к пашенному земледелию. В начале XX века эти отрасли постепенно сосредоточивались в руках русского

населения, вытесняя влияние китайцев и корейцев – магов и волшебников в разведении овощей, обеспечивающих своими продуктами города области.

В начале 1900-х гг. в крестьянских хозяйствах начали сеять китайскую сою, которая является высококачественным кормовым растением, дающим хорошие урожаи и качественное сено. Кроме того, соя улучшает землю для посева зерновых хлебов, а это немаловажно для малопродуктивных амурских земель. Первые опыты по возделыванию сои были удачны, что позволяло говорить о возможности широкого применения этой культуры в земледельческих районах Амурской области.

В конце XIX века земледельческим классам Приамурья принадлежало почти 7 млн десятин земли. Среди тех, кто обрабатывал землю, были крестьяне-общинники, казаки, маньчжуро-китайцы, которые занимались обработкой земли на основании Айгунского договора, корейцы. Засаемая площадь составляла незначительную часть всей земли, принадлежащей землевладельцам. Урожаи в среднем составляли 5,8 сам.¹ Этого было вполне достаточно для обеспечения крестьянских семей и для продажи зерна.

Несмотря на все положительные черты, развитие земледелия в Амурской области имело много минусов. Среди факторов, мешающих развитию сельскохозяйственного производства, военные губернаторы области называли:

- плохие пути сообщения, удаляющие производителя от рынка сбыта;
- недостаток зоотехнических, зоогигиенических и сельскохозяйственных знаний среди земледельцев;
- недостаточную агрономическую помощь сельскохозяйственному населению.
- резкие сезонные колебания температур, продолжительная холодная зима, наличие вечной мерзлоты в долине Амура ограничивающие возможности земледелия;
- трудности усугублялись ещё и малой доступностью отдельных районов громадной необжитой территории.

Характеристика переселенческого процесса на территории Амурской области позволяет выделить некоторые существенные моменты, относящиеся к формированию крестьянского населения.

¹ Сам – старая и точная крестьянская оценка урожайности сельскохозяйственных культур. Во сколько раз больше собран урожай, чем было посеяно – такой и «сам».

По своей устойчивой оседлости, значимости и экономическому влиянию к сложившемуся постоянному крестьянскому населению можно отнести только старожилов-стодесятинников, значительную часть которых составляли сектанты-молокане и староверы. Только эта часть населения имела возможность сохранить и упрочить существовавшие традиции и выработать новые, характерные для Амурской области.

Составной частью населения, сыгравшего большую роль в хозяйственном освоении дальневосточного региона и включении его в состав единого общероссийского рынка, были крестьяне из числа восточнославянских (русские, украинцы, белорусы) народов.

Особенность условий дальневосточного региона – удалённость от центра страны, обширность свободных земельных угодий и иных природных богатств, практическая незаселённость территорий и ряд других причин – обусловили специфику формирования здесь сельского населения, определили направленность его хозяйственной деятельности и быта, духовной культуры и семьи.

В дальневосточной семье отразились как общие, характерные для того времени процессы развития крестьянской семьи, так и специфические, обусловленные ходом развития Дальнего Востока.

Основные занятия крестьянской семьи в дальневосточном регионе оставались те же, что и у них на родине – земледелие, скотоводство и промыслы. На первых порах сохраняются привычные способы ведения хозяйства, но местные особенности накладывают на крестьянское хозяйство существенный отпечаток. Прежде всего, это проявляется в значительном распространении в хозяйстве крестьянина интендантских культур и гречихи, в неравномерном размещении по краю таких важнейших отраслей хозяйства, как земледелие и скотоводство, в значительном распространении таких специфических промыслов, как пчеловодство, сенокосение, лесной промысел.

Своеобразие этнического формирования крестьянского населения предопределили особенности семейного быта и брачных отношений дальневосточного крестьянства.

Особенность быта крестьян характеризуется рядом специфических черт: дефицитом невест, вступлением в повторные браки женщин всех возрастов, интенсивностью процессов смешения браков, что приводило к определённой демократизации семейно-брачных отношений. В Приамурье активно шёл процесс распада большесемейного строя и утверждения малой семьи как основной формы семейных коллективов. Постепенно сокращалась численность

семьи, менее сложной становилась её структура.

Новые веяния проникали и в бытовой уклад, нарушая его былую консервативность.

Несмотря на то, что многие крестьяне-переселенцы приходили в Амурский суровый край неподготовленными в хозяйственном отношении и не готовыми к тягестям жизни, переселенческое движение крестьянства явилось основой заселения нашего края.

Литература

1. Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области / Г. Е. Грум-Гржимайло. – Санкт-Петербург, 1894. – 656 с.
2. Кириллов А. В. Переселение в Амурскую область, 1857–1893 гг. / А. В. Кириллов. – Хабаровск, 1895.
3. Приамурье : факты, цифры, наблюдения : собраны на Дальнем Востоке сотрудниками общеземской организации. – Москва, 1909 – 942 с.
4. Аргудяева Ю. В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в.–начало XX в.) / Ю. В. Аргудяева. – Владивосток, 1997. – 314 с.

Хозяйственная и социокультурная адаптация стольпинских переселенцев в Алтайском округе

*Ксения Александровна Пожарская,
доцент*

*Кафедры отечественной истории,
зам. декана*

*Исторического факультета по внеучебной и воспитательной работе
Алтайского государственного университета (г. Барнаул),
кандидат исторических наук*

Алтайский округ издавна привлекал крестьян из европейской части Российской империи наличием значительных массивов, подходящих для земледелия земель. В годы реализации стольпинской переселенческой политики в регионе осело свыше 700 тыс. чел., что составило около трети от общего числа мигрантов, прибывших в Сибирь и на Дальний Восток (без учета вернувшихся обратно). Для сравнения в предыдущий сорокалетний период (1865–1905 гг.) на Алтай переселилось меньше земледельцев, чем за десятилетие реализации стольпинских переселений – 670 тыс. В беспрецедентном по массовости миграционном движении участвовали представители полтора десятка этносов и выходцы из 65 губерний страны.

Кризисная по своей сути ситуация миграции актуализировала проблему адаптации крестьян-переселенцев к новой для них природно-климатической среде и социальному окружению.

Анализ демографических и хозяйственных показателей переселенческих хозяйств, отражённых в базе данных крестьянских хозяйств, составленной сотрудниками Алтайского государственного университета (г. Барнаул) на основе 5% выборки подворных анкет Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года, позволяет заключить, что в процессе вживания в новую среду обитания переселенцы придерживались определённой стратегии адаптации.

Демографический аспект этой стратегии выразился в том, что в переселенческом движении преимущественно участвовали многоработные семьи, возглавляемые находящимися в наиболее деятельном возрасте домохозяевами, имевшие в своём составе молодых работников или рассчитывавшие на появление таковых в неотдалённой перспективе. Семьи мигрантов в целом были более многочисленными, чем семьи старожилов: средняя людность переселенческой семьи составляла 6,3, а старожильской — 5,9 человека. 55,3% глав крестьянских семей, осевших на Алтае в годы столыпинской аграрной реформы, к 1917 году находились в наиболее трудоспособном возрасте – от 30 до 50 лет, а у переселенцев достолыпинского периода и старожилов этот показатель был более низким: 48,6% и 53%. Соответственно, среди столыпинских переселенцев меньшей была доля домохозяев в возрасте старше 60 лет – 13,3%, тогда как у более ранних переселенцев она достигала 20,8%, а у старожилов – 15%.

Как показывают материалы переписи 1917 года, характерное в целом для состава мигрантских семей преобладание мужского населения над женским было более выраженным у столыпинских переселенцев (51,7% и 48,3%), нежели у мигрантов раннего периода (50,9% и 49,1%), а у старожилов это соотношение было практически равным. Преобладание мужского населения в семьях мигрантов становится ещё более заметным, если из числа учтённых переписью 1917 года членов семей столыпинских переселенцев исключить тех, кто родился уже в Сибири: 52,7% против 47,3%. Мужская сила в переселенческих хозяйствах была востребована для подъёма целинных земель, к тому же, согласно действующему законодательству земельные наделы отводились крестьянским семьям по числу душ мужского пола.

При обращении к группировке крестьянских семей по структуре родственных связей на основе типологии, предложенной В. А. Зверевым, осуществлённой на основе анализа информации, содержащейся в части

исследуемой выборки хозяйств, охватывающей 26 волостей западной части Алтайского округа, составлявших один из основных районов расселения стольпинских мигрантов на Алтае (Кулундинская и Барабинская степи) явно видно, что хотя во всех поселенческих группах крестьян в 1917 году простая семья, состоявшая из супружеской пары с детьми, была преобладающим типом семейной организации, у стольпинских переселенцев её удельный вес был более высоким, чем у старожилов и переселенцев более раннего времени: 66,4% против 57,2% и 55%. И, соответственно, доля сложносоставных семей (расширенных, сложных отцовских, сложных братских, линейных), состоявших из двух и более супружеских пар, у старожилов и более ранних переселенцев была выше, чем у мигрантов стольпинского периода.

Более выраженное преобладание у стольпинских мигрантов простых по структуре семей подтверждается и тем, что доля одно-двухпоколенных семей у них была большей, чем у старожилов и переселенцев второй половины XIX века: 74,7% против соответственно 68,5% и 67,1%. Следовательно, в миграционном процессе участвовали хотя и многолюдные семьи, но с упрощённой структурой, стремившиеся облегчить своё обустройство в Сибири тем, что оставляли на попечение родственников на прежнем месте жительства стариков и инвалидов, выдавали замуж девушек, достигших брачного возраста. Молодой и «многоработный» состав домохозяйств с преобладанием лиц мужского пола позволял переселенцам более эффективно использовать преимущества от семейной кооперации труда, преодолевать трудности, связанные с освоением целинных земель, возведением жилья и хозяйственных построек, а доминирование простых по структуре семей придавало хозяйствам мигрантов большую экономическую гибкость.

Механизм хозяйственной адаптации переселенцев включал более интенсивное по сравнению со старожилами использование наделных и арендованных пахотных земель, выразившееся в расширении посевных площадей за счёт сокращения залежи и пара. Стольпинские переселенцы засевали в 1917 году 53% собственной и арендованной пахотной земли (проживавшие на новых местах менее трёх лет – до двух третей всей пашни), старожилы – лишь 45%, а остальное оставляли под залежь и пар. В связи с этим в структуре расходов переселенцев, направляемых на техническое вооружение земледельческого производства, приоритетное значение имели затраты на техническую оснащённость пахотных работ. Об этом свидетельствует практически полное отсутствие в используемом переселенцами пропашном

инвентаре самых примитивных орудий вспашки – сох (их доля в пропашном инвентаре в 1917 году в хозяйствах столыпинских переселенцев составляла лишь 1,3%, а в хозяйствах старожилов – 13,7%), а также широкое использование наиболее производительных орудий вспашки – буккеров. У переселенцев столыпинского периода их имели 7,4% посевных хозяйств, у старожилов – лишь 0,8%. При этом перепись зафиксировала более низкую обеспеченность переселенческих хозяйств другими видами сложного сельхозинвентаря, используемого на стадии уборки урожая, – молотилками, жатками, веялками.

Введение в хозяйственный оборот максимально возможного количества пахотных земель достигалось за счёт предельной мобилизации семейных трудовых ресурсов и интенсификации труда. Это проявлялось и в более широком использовании в переселенческих семьях женского труда в пахотных работах: в 1917 году в хозяйствах столыпинских переселенцев в них принимали участие 40% всех женщин трудоспособного возраста, а у старожилов – лишь 24%. При этом в хозяйствах мигрантов с посевом до 4 десятин к пахотным работам привлекались 35,3% взрослых трудоспособных женщин, с посевом от 4 до 12 десятин – 42,9%, а с посевом свыше 12 десятин – 50,1%.

Модель экономического поведения переселенцев, ориентированная на интенсивное использование плодородия целинных земель, в сибирской прессе описывалась как хищническое использование земли, приводящее к истощению почв. Однако такое хозяйственное поведение во многом определялось не субъективным «хищничеством» переселенцев, а объективными условиями адаптации, когда в условиях недостатка материальной помощи со стороны переселенческого ведомства мигранты должны были собственными силами зарабатывать средства для скорейшего бытового и хозяйственного устройства на новом месте.

Важным источником заработка для многих переселенцев был и наём на работу в старожильческие или более зажиточные переселенческие хозяйства: дворы столыпинских переселенцев поставляли на региональный рынок наёмной рабочей силы 35% всех учтённых переписью сельскохозяйственных рабочих. Процесс социокультурной адаптации переселенцев осложнялся неразвитостью соответствующей инфраструктуры в районах массового водворения, обусловленной недостаточным финансированием переселенческой политики.

И хотя после поездки в 1910 году П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина в Сибирь расходы на создание социальной инфраструктуры в переселенческих районах существенно возросли,

тем не менее, в условиях, когда приоритетной задачей правительства было финансирование форсированной индустриальной модернизации страны, средств на эти цели выделялось недостаточно. Поэтому мигранты жаловались на нехватку церквей; местной администрацией отмечались массовые переходы переселенцев в сектантство. Из-за нехватки школьных учреждений для первого поколения детей стольпинских переселенцев сократились возможности получения начального образования не только в сравнении с теми, которые имелись в Европейской России, но и по сравнению со старожилами Сибири: по данным переписи 1917 года, лишь 15% детей школьного возраста, имевшихся в семьях стольпинских переселенцев Алтайского округа, обучались в школах, тогда как в семьях старожилов – 20%, а в Европейской России свыше 40%.

Результативность адаптации напрямую зависела от характера взаимоотношений новоприбывших с «коренными» жителями. Массовые миграции начала XX столетия породили ситуацию «фронта» между старожилами и переселенцами. Складывались замкнутые, часто обособленные группы компактного проживания выходцев из внутренних губерний империи – так называемые «концы» или «края» в границах селений, в том числе старожильческих: например, в селе Усть-Калманка выделялись Кержацкая улица и Курский край, в селе Тальменка – Сибирский край и Рязань и т. д.

Первоначально крестьяне-старожилы были заинтересованы в причислении новосёлов к своим сельским обществам, поскольку для них создавался рынок дешёвой рабочей силы. По мере возрастания масштабов переселения старожилы стали осознавать ценность земли и повышать плату за приём переселенцев в свои общества. Уплотнение населения приводило к ломке привычного жизненного уклада сибирских крестьян, хозяйствовавших согласно изречению: *«Селись, где хочешь, живи, где знаешь, паши, где лучше, паси, где любче, коси, где густо, лесуй, где пушно»*. С приёмом в общество новых членов правопонимание старожилов («веровать складами», «старозаимочность») столкнулось с привычками выходцев из центральной части страны, «воспитанных» на порядках передельного землепользования, что порождало множество споров по вопросам землепользования.

Напряжённость в отношениях переселенцев и алтайских старожилов обуславливалась и их культурным своеобразием. Публицисты конца XIX–начала XX века, а также некоторые современные авторы отмечали разности «характеров» (психотипов) сибиряков и великороссов. В частности, отсутствие помещичьего землевладения, земельный простор, затруднённая административного контроля

в связи с удалённостью и разбросанностью крестьянских поселений, формировали такие специфические черты психологического склада, как рационализм, индивидуализм, прагматизм. Безусловно, что «индивидуализированной личностью сибиряка-собственника», ориентированного на жизнь в достатке, переселенец с его «жадностью к земле» воспринимался как конкурент, нарушивший привычный хозяйственный уклад. Эта разность приводила к взаимной отчуждённости, а нередко и к враждебности во взаимоотношениях.

В старожильской среде переселенцев презрительно называли «самоходами», «вшивой расеей» и т. д. Южнорусских переселенцев, выделявшихся особыми чертами культуры, в частности, ношением лаптей и понёв, старожилы называли «лапотонами». В свою очередь мигранты считали сибиряков «необразованными», называли их «чалдонами», следуя обывательскому представлению, что все сибиряки и есть бывшие каторжники. Стрессовые условия первых лет на новом месте побуждали переселенцев сохранять прежнюю территориально-областническую общность, что выражалось в сохранении традиционных признаков собственной культуры в соответствии с ресурсами нового региона проживания.

Мигранты сохраняли свои диалекты и говоры, привычную планировку жилищ и их внутреннюю отделку, готовили свои национальные блюда с использованием местных продуктов. Взаимодействие переселенцев со старожилами в быту сводилось к минимуму: представители двух «миров» редко вступали в брак, обособленно отмечали праздники, контактировали в рамках «своих» групп независимо от возрастной или половой принадлежности.

Социокультурная отчуждённость была характерной чертой взаимоотношений и между различными национальными и региональными группами переселенцев, оседавших на Алтае. Не случайно П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин в записке, написанной по итогам своей поездки в Сибирь, высказали идею о необходимости объединения проживающего здесь населения общими интересами, дабы оно перестало быть *«механической смесью чуждых друг другу выходцев из Перми, Полтавы, Могилёва»*. Впрочем, медленное сближение переселенцев и старожилов не препятствовало взаимовыгодному обмену хозяйственным опытом. В то же время культурно-бытовая отчужденность не препятствовала взаимовыгодному хозяйственному обмену. Мигранты перенимали у старожилов земледельческие приёмы, сообразные сибирскому климату: возделывали различные сорта пшеницы вместо ржи, ориентировались на народные сибирские земледельческие приметы и т. д., а старожилы заимствовали

у переселенцев способы интенсификации крестьянского труда, в том числе путём применения усовершенствованных сельскохозяйственных орудий. Газета «Жизнь Алтая» отмечала, что *«как ни консервативен старожил-сибиряк, как ни крепка его вера в авторитет «дедов», – всё же смотришь, весной и он ходит за плугом новой конструкции, или осенью молотит хлеб не традиционным цепом, а эльвортовской молотилкой»*. Также мигранты привезли в регион новые породы скота, твёрдые сорта пшеницы (белотурка, кубанка, черноколоска, синеуска), ржи и овса, способствовали выращиванию гречихи и проса. Переселенцы с Украины акклиматизировали привычные им огородные и садовые культуры – бахчевые, картофель, цветную капусту, бобовые.

Хозяйственное освоение Алтайского округа переселенцами охватило в начале XX века и районы, ранее слабо затронутые земледельческой колонизацией – места проживания кочевых автохтонных народов (алтайские Кулундинская и Бельгагачские степи, а также Горный Алтай). В частности, под крестьянское заселение в столыпинский период были переданы земли, служившие ранее местом казахских кочевий. В результате землеустройства инородческого населения Горного Алтая почти две трети земель этого региона были переданы Кабинету и Переселенческому управлению.

Изъятие у аборигенных народов значительной части, находившихся в их пользовании земель, привело к эскалации напряжённости в округе. И хотя масштабных межнациональных конфликтов на территории не было зафиксировано, в документах и прессе того времени отмечались случаи столкновений между переселенцами и коренным населением в связи с земельными спорами и на бытовой почве. Так, при образовании в 1907 году участка Аймагуль в Кулундинской степи, предназначенного для устройства самовольно осевших переселенцев, произошло кровавое столкновение последних с казахами. Селившиеся в этой части округа крестьяне часто обвиняли казахов в кражах скота. Массовым явлением стали случаи земельных конфликтов в Горном Алтае, порождаемые самовольными захватами земли новосёлами. В связи с этим в 1908 году от местного коренного населения в Петербург была направлена депутация с ходатайством об охране кочевий от захватов русскими переселенцами. Однако, как и в отношениях со старожилами, конфликты по земельным вопросам и обособленность в быту не являлись непреодолимым препятствием для хозяйственного сотрудничества, в особенности с той частью автохтонов, которая переходила на оседлый образ жизни и приобщалась к земледелию. Например, способ сохранения воды

в «карлыках» (специальных сооружениях для хранения снега) переселенцам привило коренное население степей; в свою очередь, казахи перенимали у немецких крестьян-переселенцев приёмы обмолота хлеба, позволявшие существенно экономить время («выиграть целую осень»).

Процесс социальной и хозяйственной адаптации столыпинских переселенцев к 1917 году был ещё далёк от завершения. Статистические обследования фиксировали значительное отставание переселенческих от старожильческих хозяйств по многим экономическим показателям (стоимость хозяйственных и жилых построек в старожильческих домохозяйствах в среднем в три раза превосходила соответствующий показатель в хозяйствах переселенцев). Незавершённость адаптации делала положение переселенческих хозяйств, функционировавших по характерным для традиционного общества законам «моральной экономики», особенно уязвимым в случаях резкого повышения налогообложения. Поэтому не случайно районы проживания столыпинских переселенцев, находившиеся в степной зоне Алтая, являлись главными очагами партизанского движения и крестьянских восстаний в годы Гражданской войны.

В целом, крестьянские миграции столыпинского периода стали важнейшим этапом в истории заселения и хозяйственного освоения Алтая, способствовали более широкому вовлечению региона в общероссийские экономические и социокультурные процессы. Столыпинскими переселенцами в Алтайском округе было основано более 3,0 тыс. населённых пунктов, введено в сельскохозяйственный оборот более 4,0 млн десятин земли. В это время окончательно сформировался статус Алтая как одного из важнейших аграрных регионов страны. Всё это было достигнуто поистине героическим и самоотверженным трудом крестьян-переселенцев, сотни тысяч потомков которых и сегодня живут на алтайской земле.

Жизнь и деятельность П. А. Столыпина
*(по материалам периодических изданий
из фондов Волгоградской ОУНБ им. М. Горького,
вышедших до революции 1917 года
и в освещении современной периодической печати
(2011–2015 гг.)*

*Ирина Александровна зав. Елина,
зав. Сектором редких и ценных изданий
Анастасия Михайловна Беличенко
зав. Отделом «Электронный читальный зал»
Волгоградской ОУНБ им. М. Горького*

Столыпинские реформы уже не один год являются объектом пристального внимания, как Отечественных историков, так и зарубежных исследователей.

В фондах Волгоградской областной универсальной научной библиотеке им. М. Горького представлены издания, освещающие жизнь и деятельность П. А. Столыпина. Для наиболее контрастного сравнения авторы решили выделить темы, которые волновали ученых, историков, литераторов до революции 1917 года и в 2011–2016 годы.

Вся Россия была глубоко потрясена разыгравшейся в Киеве драмой так как, 1 сентября 1911 года в Киеве во время торжественного спектакля в городском театре в присутствии Государя, Председателю Совета министров Петру Аркадьевичу Столыпину были нанесены две огнестрельные раны. Нападавшим оказался 26-летний Дмитрий Григорьевич Богров – помощник присяжного поверенного округа Киевской судебной палаты. Одна рана оказалась тяжелой и 5 сентября П. А. Столыпин скончался.

Это печальное событие нашло отражение в статьях различных журналов. Мы рассмотрим освещение данной темы в журналах «Русская старина», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Русская мысль» и «Исторический вестник».

На первых страницах журнала «Русская старина»¹ опубликована статья «Памяти П. А. Столыпина»: «Скончался государственный деятель, исполненный блестящих талантов, дивной силы духа, пламенной любви к родине и непоколебимой веры в ее великую будущность».

¹ Памяти П. А. Столыпина // Русская старина. – 1911. – № 10. – С. 1–2.

В журнале «Русское богатство»¹ в разделе «Хроника внутренней жизни», помещена статья Петрищева А. «Смерть П. А. Столыпина», в которой автор рассуждает о состоянии охранной полиции и её роли в убийстве П. Столыпина, об уроках, которые должны вынести из этой ситуации российские охранители: *«Человек убил человека при легендарных условиях и легендарной обстановке – такова общеуголовная суть дела. Председатель совета министров и министр внутренних дел смертельно ранен охранявшим его агентом тайной полиции, который стрелял, по-видимому, умышленно, – таковы те привходящие обстоятельства, какими определяется политический характер и смысл события.»*

Смысл настолько ясен, что не нуждается в подчеркивании. Трудно придумать более убедительную характеристику той охранной политики, представителем и руководителем которой был покойный министр. Во всякой другой европейской стране политика, приведшая к столь самоубийственному итогу, прекратила бы дальнейшее течение. После такого урока она должна бы потерять кредит даже у своих сторонников. Но русская жизнь самобытна. И российских охранителей урок 1 сентября едва ли чему-нибудь научит».

В «Вестнике Европы»² в разделе «Внутреннее обозрение» просматривается отношение к кончине П. А. Столыпина наиболее родственных ему общественных групп через посредство вдохновляемых им влиятельных органов русской печати, представляющих некоторую часть русского общества.

В «Историческом вестнике»³ опубликована статья Панкратова А. С. «Первое сентября 1911 года (Впечатления очевидца убийства П. А. Столыпина)». Автор стал очевидцем убийства, и в своей статье подробно описывает хронологию событий происходивших в день покушения и в последующие четыре дня. Каждый день сообщалось о состоянии здоровья Петра Аркадьевича Столыпина. Панкратов А. С. рассказывает о том, как преступник получил билет в театр и кто в этом виноват, арест, допрос, суд и смертный приговор Дмитрия Богрова, ожидание погрома, массовый отъезд евреев из Киева (город покинули около 12 тыс. богатых евреев, бедные оставались в Киеве. После похорон Столыпина евреи вернулись обратно).

¹ Петрищев А. Хроника внутренней жизни. Смерть П. А. Столыпина // Русское богатство. – 1911. – № 9. – С. 163–166.

² Внутреннее обозрение. Убийство П. А. Столыпина // Вестник Европы. – 1911. – № 10. – С. 358–371.

³ Панкратов А. С. Первое сентября 1911 года // Исторический Вестник. – 1911. – № 11. – С. 613–639.

В «Русской мысли»¹ в разделе «В России и за границей» опубликована статья политика и публициста Александра Самойловича Изгоева «По поводу убийства П. А. Столыпина». Автор рассуждает об убийстве председателя совета министров и роли в нем тайной полиции, заостряя внимание на том факте, что убийца был революционером, находящимся на службе в охранном отделении. Затрагивает самый серьезный вопрос русской жизни – террор, подчеркивая что «...столь тесное сожительство охраны с террором сделало самое «охрану» учреждением в государственном смысле опасным».

Если полицейская охрана дает действовать всякому «кружку желторотых юнцов», то объясняется все это интересами других людей, взрослых и более опытных и нередко чиновных, чья карьера тесно связана с «революцией». Рассмотрев данную ситуацию автор, говорит о том, что: «Охрана поглощает многие миллионы денег, она дает средства к жизни тысячам людей, она составляет основу карьеры для множества честолюбцев» и, исходя из этого, можно сделать вывод о том, что тайная полиция кормится революцией.

В журнале «Вестник Европы»² опубликована статья Максима Ковалевского «П. А. Столыпин и объединенное дворянство». По случаю постановки памятника П. А. Столыпину в газетах была сделана попытка отметить творческую сторону его деятельности. Указывали на то, что именно П. А. Столыпиным проведен Указ 9 ноября 1906 года, который произвёл целую революцию в системе крестьянского землевладения, и Указ 3 июня 1907 года, радикально изменивший избирательную систему. Влияние указов на весь ход событий российской государственности, несомненно, велико. Автор рассматривает вопрос о мере принадлежности инициативы обеих реформ П. А. Столыпину, поскольку объединенное дворянство заявило о том, что творческая мысль в обоих случаях принадлежала именно ему.

В журнале «Русская мысль»³ опубликована переписка Петра Аркадьевича с Сергеем Юльевичем Витте.

Автор статьи «Переписка графа С. Ю. Витте и П. А. Столыпина» Лев Львов (псевд. Льва Моисеевича Клячко) публикует весьма интересную переписку, по поводу прекращения дела о двукратном покушении на жизнь графа С. Ю. Витте. «Помимо интереса, который

¹ Изгоев А. С. По поводу убийства П. А. Столыпина // Русская мысль. – 1911. – № 10. – С. 1–7.

² Ковалевский М. П. А. Столыпин и объединенное дворянство // Вестник Европы. – 1913. – № 10. – С. 406–423.

³ Львов Л. Переписка графа С. Ю. Витте и П. А. Столыпина // Русская мысль. – 1915. – № 3. – С. 134–152.

имеет эта переписка, касающаяся одного из характернейших эпизодов, сопровождавших первые годы функционирования нового строя, письма эти служат ценным материалом для характеристики обоих деятелей, занявших в истории России определенные места».

«Письмо П. А. Столыпина Николаю II» воспроизводится в журнале «Былое»¹ без всяких комментариев Петра Столыпина, письмо прекрасно рисует отношение министра к Государю, а также характеризует их взгляды на еврейский вопрос.

В последние годы наблюдаем, что интерес к преобразованиям П. А. Столыпина не угасает. Основной темой научных статей становится изучение реформ и законопроектов, а также рассматривается деятельность Петра Аркадьевича в контексте русской культуры, науки и образования, помимо этого уделяется внимание актуальности реформ в современной России.

В работе Н. И. Канищевой изложены взгляды премьер-министра на проведение реформы образования, а именно установление «общедоступности, а впоследствии и обязательности, начального образования для всего населения империи»; объединение усилий государства и общества в просвещении народа; создание «разнообразных типов учебных заведений, с широким развитием профессиональных знаний, но с обязательным для всех типов минимумом общего образования, требуемого государством».² Основательная, продуманная в деталях столыпинская реформа просвещения, законодательные инициативы, предусматривавшие значительные кредиты на нужды образования, науки и искусства, говорят о ключевом значении вопросов культуры в широком её понимании для планов модернизации России.³

В работе К. И. Могилевского, К. А. Соловьева, В. В. Шелохаева «Личность и деятельность П. А. Столыпина как историографическая проблема» дается освещение основных этапов исследования биографии и государственной деятельности премьер-министра. Авторы выделили периоды: с 1906 по 1917 гг.; с 1917 по 1991 гг. и с 1991 г. по настоящее время. Как видно из данного исследования, советская историография достаточно «прохладно» относилась к столыпинским преобразованиям. Интерес к ним возрастает в 1990-х годах. За последние 20 лет опубликовано в 2,5 раза больше статей и монографий, посвященных

¹ Письмо П. А. Столыпина Николаю II // Былое. – 1917. – № 5. – С. 3–4.

² Канищева Н. И. Столыпинские реформы в области образования, культуры, науки. // Российская история. – 2012. – № 2 (март-апрель). – С. 140.

³ Там же. С. 146

П. А. Столыпину, по сравнению с советским периодом.¹ Наибольшее внимание на протяжении всех этапов уделялось именно аграрным преобразованиям.² Также, в данной работе обозначается круг малоизученных проблем, рекомендуемых к освещению в научных кругах.

В статье И. Архипова мы видим изложение непростой реформаторской судьбы П. А. Столыпина. *«Столыпин, утратив доверие достаточно лояльных к нему умеренных либералов, не приобретя реальной общественной поддержки, оказался совершенно «чужим» для откровенных противников преобразований – для правых в Государственном совете, придворных кругов, различных «сфер» и «закулисных влияний».*

В работе Андрея Николаевича Медушевского «Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа» мы видим освещение социально-экономических проблем накануне реформ П. А. Столыпина, и проблему выбора наиболее оптимального решения в сложившейся ситуации. Также автор освещает сложный в историографии вопрос о результатах столыпинских преобразований в долгосрочной перспективе. При помощи сравнительного анализа с развивающимися странами, где удалось избежать революции путем приватизации земли или предоставления её крестьянам в долгосрочную аренду в различных вариантах, исследователь делает вывод о том, что конфликт собственности и справедливости, связанный с трансформацией аграрных отношений, создает основу социального кризиса, но в сравнительном контексте, кризис не обязательно ведет к революции и может быть снят путем последовательных и радикальных социальных преобразований.³ Важной составляющей данной статьи является освещение взглядов П. А. Столыпина на природу возникновения революции в Российской империи и методы преодоления революционных протестов.

В. В. Шелохаев, в результате своего исследования, делает выводы о том, что П. А. Столыпин создал целостную программу реформирования России. По мнению автора, историческая заслуга П. А. Столыпина состоит в том, что он впервые применил системный

¹ Архипов И. Столыпин: реформатор при его величестве // Звезда. – 2014. - № 10. – С. 161

² Могилевский К. И. Личность и деятельность П. А. Столыпина как историографическая проблема / К. И. Могилевский, К. А. Соловьев, В. В. Шелохаев // Вопросы истории. – 2012. – №10. – С. 157–167.

³ Медушевский А. Н. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа // Российская история. – 2012. – № 2. – С. 7.

подход при разработке и реализации реформ, охватывающих все без исключения ключевые сферы жизнедеятельности страны.¹

Экономическую составляющую столыпинских аграрных преобразований на страницах экономического журнала раскрывает Р. Гумеров и в итоге квалифицирует реформы скорее как разрушительные, чем созидательные.²

Исследуются преобразования П. А. Столыпина и через призму ленинских оценок.³

Целую систему взглядов на реформы П. А. Столыпина, ученых-эмигрантов либеральной школы в 1920–1930-е гг., выделяет А. В. Берлов.⁴

Об убийстве премьер-министра пишет Зинаида Ивановна Перегудова – так, мы узнаем, о том, что до 1 сентября 1911 года П. А. Столыпин избежал 9 покушений. Неудачи не останавливали эсеров, убийство П. А. Столыпина оставалось для них первостепенной задачей. Подготовка его велась как в России, так и за рубежом.⁵

В целом, необходимо сказать о том, что большой массив работ был выпущен, именно в 2012 году, которые были приурочены 150-летию со дня рождения Петра Аркадьевича. В исследованиях получают освещение различные аспекты реформаторской деятельности П. А. Столыпина. Здесь мы видим и анализ взаимоотношения П. А. Столыпина с законодательными палатами – Государственной Думой и реформированным Государственным Советом.⁶ Получает освещение и вопрос взаимодействия правых партий и П. А. Столыпина.⁷

¹ Шелохаев В.В. Столыпинский тип модернизации России // Российская история. – 2012. – № 2 (март–апрель). – С. 34

² Гумеров Р. По поводу столыпинской аграрной реформы и ее постсоветского аналога // Российский экономический журнал. – 2012. – № 3. – С. 17.

³ Фролов А. К. Последняя судорога самодержавно-помещичьей системы : (преобразования П. А. Столыпина через призму ленинских оценок) // Российский экономический журнал. – 2012. – № 3. – С. 6. – (Ретроспекции и современность).

⁴ Берлов А. В. Реформы П. А. Столыпина в оценках российских ученых-эмигрантов либеральной школы (1920–1930-е гг.) // Власть. – 2013. – №7. – С. 159–162.

⁵ Перегудова З. И. Убийство П. А. Столыпина // Российская история. – 2012. – № 2 (март–апрель). – С. 1.

⁶ Демин В. А. П. А. Столыпин и законодательные палаты // Российская история. – 2012. – № 2 (март–апрель). – С. 52.

⁷ Омелянчук И. В. Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история – 2012. – № 2 (март–апрель). – С. 62.

Свой взгляд на эволюцию внутривластного курса П. А. Столыпина и думское большинство в 1910–1911 гг. изложил Федор Александрович Гайда.¹

В отдельный комплекс проблем «Власть, общество и аграрная реформа» на страницах журнала «Российская империя» выделены работы: «П. А. Столыпин и дворянское землевладение»,² «П. А. Столыпин и совет по делам местного хозяйства в 1908–1910 годах»,³ «П. А. Столыпин и управление окраинами Российской империи»,⁴ «П. А. Столыпин и ислам»⁵ и «Отечество наше должно превратиться в государство правовое»: кабинет П. А. Столыпина и разработка закона о свободе союзов».⁶

Таким образом, видим, что интерес к изучению деятельности П. А. Столыпина не угасает и по сей день. Если до 1917 года большое внимание уделялось моменту кончины премьер-министра, и обработке его личных записей, то в последние годы, изучение жизни, деятельности П. А. Столыпина ведётся по многим направлениям, как среди российских историков, так и среди зарубежных,⁷ оставляя при этом и ряд «белых пятен», для будущих поколений исследователей, в частности, именно столыпинская аграрная реформа относится к числу наиболее изучаемых проблем российской истории XIX–начала XX века.⁸

¹ Гайда А. А. Эволюция внутривластного курса П. Столыпина и думское большинство в 1910–1911 годах // Российская история. – 2012. – № 2 (март–апрель). – С. 76.

² Бородин А. П. П. А. Столыпин и дворянское землевладение // Российская история. – 2012. – № 2 (март–апрель). – С. 91.

³ Могилевский К. И. П. А. Столыпин и совет по делам местного хозяйства в 1908–1910 годах // Российская история. – 2012. – № 2 (март–апрель). – С. 100.

⁴ Бахтурина А. Ю. П. А. Столыпин и управление окраинами Российской империи // // Российская история. – 2012. – № 2 (март–апрель). – С. 108.

⁵ Арапов Д. Ю. П. А. Столыпин и ислам // Российская история. – 2012. – № 2 (март–апрель). – С. 121.

⁶ Туманова А. С. Отечество наше должно превратиться в государство правовое»: кабинет П. А. Столыпина и разработка закона о свободе союзов // Российская история. – 2012. – № 2 (март–апрель). – С. 126.

⁷ Большакова О. В. Аграрные реформы П. А. Столыпина в современной англоязычной историографии // Российская история. – 2012. – № 2 (март апрель). – С. 164–171

⁸ Роголина Н. Л. Столыпинская аграрная реформа: современная историографическая ситуация // Российская история. – 2012. – № 2 (март–апрель). – С. 157.

Литература

1. Зырянов П. Н. Петр Столыпин : политический портрет / П. Н. Зырянов. – Москва : Высшая школа, 1992. – 159 с. – (История в лицах).

* * *

2. Арапов Д. Ю. П. А. Столыпин и ислам / Д. Ю. Арапов // Российская история. – 2012. – № 2.

3. Архипов И. Столыпин: реформатор при его величестве / И. Архипов // Звезда. – 2014. – № 10.

Архипов И. Столыпин: реформатор при его величестве / И. Архипов // Звезда. – 2014. – № 10.

4. Бахтурина А. Ю. П. А. Столыпин и управление окраинами Российской империи / А. Ю. Бахтурина // Российская история. – 2012. – № 2.

5. Берлов А. В. Реформы П. А. Столыпина в оценках российских ученых-эмигрантов либеральной школы (1920–1930-е гг.) / А. В. Берлов // Власть. – 2013. – № 7.

6. Большакова О. В. Аграрные реформы П. А. Столыпина в современной англоязычной историографии / О. В. Большакова // Российская история. – 2012. – № 2.

7. Бородин А. П. П. А. Столыпин и дворянское землевладение / А. П. Бородин // Российская история. – 2012. – № 2.

8. Внутреннее обозрение. Убийство П. А. Столыпина // Вестник Европы. – 1911. – № 10.

9. Гайда А. А. Эволюция внутриполитического курса П. А. Столыпина и думское большинство в 1910–1911 годах / А. А. Гайда // Российская история. – 2012. – № 2.

10. Гумеров Р. По поводу столыпинской аграрной реформы и ее постсоветского аналога / Р. Гумеров // Российский экономический журнал. – 2012. – № 3.

11. Демин В. А. П. А. Столыпин и законодательные палаты / В. А. Демин // Российская история. – 2012. – № 2.

12. Изгоев А. С. По поводу убийства П. А. Столыпина / А. С. Изгоев // Русская мысль. – 1911. – № 10.

13. Канищева Н. И. Столыпинские реформы в области образования, культуры, науки / Н. И. Канищева // Российская история. – 2012. – № 2.

14. Кантор В. Петр Столыпин в контексте русской культуры. Феномен длящейся истории / В. Кантор // Вопросы литературы. – 2013. – № 3.

15. Ковалевский М. П. А. Столыпин и объединенное дворянство / М. Ковалевский // Вестник Европы. – 1913. – № 10.

16. Львов Л. Переписка графа С. Ю. Витте и П. А. Столыпина / Л. Львов // Русская мысль. – 1915. – № 3.

17. Медушевский А. Н. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа / А. Н. Медушевский // Российская история. – 2012. – № 2.

18. Могилевский К. И. Личность и деятельность П. А. Столыпина как историографическая проблема / К. И. Могилевский, К. А. Соловьев, В. В. Шелохаев // Вопросы истории. – 2012. – № 10.
19. Могилевский К. И. П. А. Столыпин и совет по делам местного хозяйства в 1908–1910 годах / К. И. Могилевский // Российская история. – 2012. – № 2.
20. Омелянчук И. В. Правые партии и П. Столыпин / И. В. Омелянчук // Российская история – 2012. – № 2. – С. 62.
21. Памяти П. А. Столыпина // Русская старина. – 1911. – №10.
22. Панкратов А. С. Первое сентября 1911 года / А. С. Панкратов // Исторический Вестник. – 1911. – № 11.
23. Перегудова З. И. Убийство П. А. Столыпина / З. И. Перегудова // Российская история. – 2012. – № 2.
24. Петрищев А. Хроника внутренней жизни. Смерть П. А. Столыпина / А. Петрищев // Русское богатство. – 1911. – № 9.
25. Письмо П. А. Столыпина Николаю II // Былое. – 1917. – № 5.
26. Рогалина Н. Л. Столыпинская аграрная реформа: современная историографическая ситуация / Н. Л. Рогалина // Российская история. – 2012. – № 2.
27. Савченко Е. Дело столыпинского масштаба / Е. Савченко // Наш современник. – 2012. – № 4.
28. Соловьев К. А. Законотворческий процесс и представительный строй в 1906–1911 годах / К. А. Соловьев // Российская история. – 2012. – № 2.
29. Петр Аркадьевич Столыпин // Нива. – 1911. – № 38.
30. Туманова А. С. Отечество наше должно превратиться в государство правовое»: кабинет П. А. Столыпина и разработка закона о свободе союзов / А. С. Туманова // Российская история. – 2012. - № 2.
31. Фролов А. К. Последняя судорога самодержавно-помещичьей системы : (преобразования П. А. Столыпина через призму ленинских оценок) / А. К. Фролов // Российский экономический журнал. – 2012. – № 3.
32. Шелохаев В. В. Столыпинский тип модернизации России / В. В. Шелохаев // Российская история. – 2012. – № 2.

Петр Аркадьевич Столыпин: летопись жизни и государственной деятельности

(библиографический список)

*Светлана Николаевна Солодкова,
гл. библиотекарь Отдела основного абонемента,
руководитель Службы правового информирования
Волгоградской ОУНБ им. М. Горького*

В наши дни имя Петра Аркадьевича Столыпина, министра внутренних дел и председателя Совета министров Российской империи, приобрело особую популярность. О нём написаны многочисленные статьи, брошюры, книги, его фамилия звучит по радио и телевидению, на различных «круглых столах» и конференциях и даже с трибуны высших органов власти. Чем же обусловлено столь пристальное внимание?

Во-первых, с именем премьера связана фактически последняя попытка российских правящих кругов вывести страну на путь эволюционного развития.

Во-вторых, в наше переломное время эта тема приобретает особую актуальность и политическую значимость: фигура П. А. Столыпина и, прежде всего, его деятельность в качестве главы российского правительства в сложную, переходную эпоху, его попытки найти выход из кризисной ситуации, в которой страна оказалась в результате Первой русской революции (1905–1907 гг.), привлекают внимание ученых, политических деятелей, представителей властных структур.

Наконец, немалую роль играет и то обстоятельство, что имя П. А. Столыпина и его политическое наследие были и остаются разменной монетой в политической борьбе. Неоднозначность личности премьера, определенная противоречивость его взглядов, многосторонность деятельности позволяют представителям различных, порой полярных политических направлений использовать его программные положения и практический опыт.

Важно отметить, что вышедшие за последние 15–20 лет работы по этой теме базируются в основном на уже введенных в научный оборот материалах, но их трактовка даже серьезными исследователями весьма различна.

Вашему вниманию хотим представить библиографический список изданий о жизни и деятельности Петра Аркадьевича Столыпина из фондов Волгоградской ОУНБ им. М. Горького.

Страницы биографии П. А. Столыпина

1. Бок М. П. П. А. Столыпин : воспоминания о моем отце / М. П. фон Бок. – Москва : Современник, 1992. – 314 с. – В прил.: Столыпинские реформы о земле и землепользовании.

В книге воспоминаний дочери П. А. Столыпина рассказывается о самых главных годах жизни её отца. Семейные, интимные детали, так хорошо известные Марии Петровне Бок (Столыпиной), добавляют к портрету П. А. Столыпина особые, неповторимые краски. Для наиболее полного показа огромной реформаторской деятельности П. А. Столыпина в книгу включено приложение, в котором читатель может познакомиться с документами: Указами и Законами Российской Империи, речами П. А. Столыпина в Государственной Думе и Государственном Совете о земле и землепользовании.

2. Зырянов П. Н. Петр Столыпин : политический портрет / П. Н. Зырянов. – Москва : Высшая школа, 1992. – 159 с. – (История в лицах).

В книге освещается жизненный путь крупного государственного деятеля, председателя Совета министров и министра внутренних дел П. А. Столыпина. Прослеживается формирование его взглядов по основным проблемам российской действительности. Особое внимание уделяется аграрной и другим реформам, разработанным под руководством П. А. Столыпина. Раскрываются взаимоотношения российского премьера с двором, высшей бюрократией, Думой, правым дворянством. Отдельная глава посвящена отношениям П. А. Столыпина и Л. И. Толстого. Автор поставил своей задачей непредвзято и всесторонне осветить фигуру П. А. Столыпина на фоне событий отечественной истории начала XX в.

3. Казарезов В. В. О Петре Аркадьевиче Столыпине / В. В. Казарезов. – Москва : Агропромиздат, 1991. – 94 с.

Эта книга о русском государственном деятеле, крупнейшем реформаторе начала XX века Петре Аркадьевиче Столыпине. В ней сделана попытка очистить образ выдающегося соотечественника от субъективных оценок, восстановить историческую правду. Показываются схожесть, драматизм ситуаций, которые переживала наша страна в то время и сейчас, и предлагается воспользоваться опытом столыпинской реформы в нынешней перестройке села.

4. Казарезов В. В. П. А. Столыпин: история и современность / В. В. Казарезов. – Новосибирск : РИД, 1991. – 127 с.

Личность и деятельность П. А. Столыпина были столь яркие и масштабны, что, кажется, никого не оставляли равнодушным. Автором сделана попытка очистить образ выдающегося соотечественника от субъективных оценок, восстановить историческую правду.

5. Могилевский К. И. П. А. Столыпин / [К. И. Могилевский, К. А. Соловьев]. – Москва : АСТ : Астрель : ГТК «Телеканал Россия», 2008. – 126 с. : портр. – (Имя Россия: исторический выбор, 2008).

Многие исследователи называют П. А. Столыпина крупнейшим и самым выдающимся государственным деятелем России начала XX в., а его слова «Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия» стали крылатыми.

Последними словами П. А. Столыпина, смертельно раненного террористом, были: «Счастливы умереть за царя». В самом масштабном телепроекте 2008 года «Имя Россия», где граждане России выбирали величайшего соотечественника за всю историю страны имя П. А. Столыпина вошло в число 50 наиболее популярных личностей отечественной истории. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей России.

6. Островский И. В. П. А. Столыпин и его время / И. В. Островский. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1992. – 142 с.

В книге рассматриваются вопросы социально-экономической и политической истории России начала XX в. Основное внимание уделяется личности П. А. Столыпина и его реформаторскому курсу. Показаны истоки столыпинской политики, приведен материал об отношении к ней различных политических сил, раскрыты особенности аграрной реформы в Сибири. В работе рассказывается об убийстве П. А. Столыпина и расследовании обстоятельств гибели премьер-министра.

7. Степанов С. А. Столыпин: жизнь и смерть ради России : история убийства / С. А. Степанов. – Москва : Эксмо : Яуза, 2006. – 448 с. – (Русь окаянная).

В своем исследовании известный историк С. Степанов ищет ответ на вопрос – кто стоял за убийством П. А. Столыпина? В приложении дан «Всепогоднейший доклад сенатора Трусевича о произведенном им по высочайшему повелению расследований деятельности должностных лиц, принимавших участие в осуществлении охраны во время пребывания его Императорского Величества в Киеве в 1911 году.

8. П. А. Столыпин. Биохроника / Фонд изучения наследия П. А. Столыпина ; [под общ. ред. П. А. Пожигайло]. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 376 с. : ил. – Посвящается 100-летию с начала государственной деятельности П. А. Столыпина на посту министра внутренних дел и Председателя Совета министров Российской империи.

В публикацию впервые включен обширный комплекс документов и материалов, позволяющих в своей совокупности всесторонне охарактеризовать облик П. А. Столыпина, раскрыть его многогранную роль в политической жизни России начала XX века. Издание богато иллюстрировано и снабжено предисловием.

9. П. А. Столыпин. Грани таланта политика / [под общ. ред. П. А. Пожигайло] ; Фонд изуч. наследия П. А. Столыпина, Рос. гос. ист. архив. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 623 с.

В публикацию впервые включен комплекс документов и материалов, позволяющих всесторонне показать грани таланта выдающегося государственного и политического деятеля России П. А. Столыпина, предложившего обществу программу системных преобразований, эффективные пути и методы ее реализации. В книгу вошли его доклады, записки, циркуляры, письма, телеграммы, интервью, данные российским и зарубежным журналистам. Издание снабжено предисловием и комментариями.

10. Петр Аркадьевич Столыпин : энциклопедия / [под общ. ред. П. А. Пожигайло ; редкол.: В. В. Шелохаев (отв. ред) и др.] ; Фонд изуч. наследия П. А. Столыпина, Ин-т обществ. мысли. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 735 с. : ил. – Библиогр.: с. 727–730.

В энциклопедии впервые в отечественной и мировой историографии дан комплексный анализ личности П. А. Столыпина, основных направлений его государственной и реформаторской деятельности, отношений с представительными, партийными и общественными структурами, ведущими политическими деятелями. Большое внимание в книге уделено характеристике состояния государственных и политических структур 1906–1911 гг., органов периодической печати. В книгу включена родословная П. А. Столыпина.

11. Петр Столыпин : [сборник] / сост. Г. И. Лысцов. – Москва : Новатор, 1998. – 426 с. : ил. – (Российские судьбы : жизнеописания, факты и гипотезы, портреты и документы в 30 кн. / изд. К. В. Кренов).

Основу книги составило повествование дочери П. А. Столыпина Марии Бок «Воспоминания о моем отце». Кроме того, в книгу вошли свидетельства современников – императора Николая II, известных общественных и политических деятелей А. И. Гучкова, А. В. Зеньковского, В. А. Маклакова, М. О. Меншикова, П. Н. Милюкова, В. В. Шульгина и других. Особый интерес представляют статьи и речи П. А. Столыпина, и преобразовательные проекты, разработанные им незадолго до смерти.

12. Предки П. А. Столыпина : [изоматериал] / [авт. П. А. Пожигайло, М. Е. Бычкова, М. И. Смирнов] ; Фонд изуч. наследия П. А. Столыпина. – Москва, 2002. – 1 л.

В работе построена родословная схема предков П. А. Столыпина, живших в XV–XIX веках.

13. Рыбас С. Ю. Реформатор : жизнь и смерть Петра Столыпина / С. Ю. Рыбас, Л. В. Тараканова. – Москва : Недра, 1991. – 206 с.

Данная книга – первое цельное жизнеописание выдающегося русского политического деятеля П. А. Столыпина. В книге подробно раскрывается суть столыпинских идей по преобразованию России, описывается жизненный путь человека, именем которого назван целый исторический период в развитии нашей страны: 1906–1911 гг. – «эпоха столыпинских реформ». Именно в этот период началось триумфальное движение России к мощной экономике и общественной стабильности. В книге показана разрушительная роль терроризма – вплоть до рокового выстрела эсера Д. Богрова в 1911 году.

14. Рыбас С. Ю. Столыпин / С. Ю. Рыбас. – [3-е изд.]. – Москва : Молодая гвардия, 2009. – 420 с. : ил. – (Жизнь замечательных людей : серия биографий / основана в 1890 г. Ф. Павленковым и продолжена в 1933 г. М. Горьким ; вып. 1366/(1166)).

Документально-исторический роман о великом реформаторе Петре Столыпине, яркой личности, человеке трагической судьбы, вознесенном на вершину исполнительной власти Российской империи, принадлежит перу известного писателя и общественного деятеля С. Ю. Рыбаса. В свободном и документально обоснованном повествовании автор соотносит

проблемы начала прошлого века (терроризм, деградация правящей элиты, партийная разногласица и др.) с современными, обнажая дух времени. Книга содержит избранные речи П. А. Столыпина, произнесенные им в Государственной Думе, циркуляры Департамента полиции, ценные архивные свидетельства. Богатый и редкий иллюстративный материал позволяет зримо представить образ героя и атмосферу тех «страшных лет России».

15. Ставка на сильных. Жизнь Петра Аркадьевича Столыпина : док. повествование / [монах Лазарь (Афанасьев)]. – Москва : Русский Паломникъ, 2013. – 301 с. : ил. – (Библиотека журнала «Русский Паломникъ»). – Библиогр.: с. 300–302 (27 назв.).

В книге рассказано о Петре Аркадьевиче Столыпине как великом русском политическом деятеле, православном христианине, борце за достойную жизнь русского человека и русского государства.

16. Степанов С. А. Загадки убийства Столыпина / С. А. Степанов. – Москва : Прогресс-академия, 1995. – 304 с. : ил. – (Века и люди).

Книга доктора исторических наук С. А. Степанова посвящена одному из самых загадочных политических убийств XX века. В Киеве 1 сентября 1911 года Дмитрий Богров стрелял в председателя Совета министров России Петра Столыпина, который от полученных ран скончался. Почему именно в П. Столыпина? Кем был П. Столыпин для России? На эти и многие другие вопросы автор отвечает в своей книге. В Приложении впервые полностью публикуется Доклад комиссии сенатора М. Трусевича, занимавшейся расследованием обстоятельств убийства П. Столыпина.

17. Столыпин П. А. Переписка / П. А. Столыпин ; Фонд изучения наследия П. А. Столыпина ; Федер. арх. агентство, Рос. гос. ист. архив. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 702 с.

В публикацию впервые включён комплекс документов личной и официальной переписки П. А. Столыпина, позволяющей в своей совокупности всесторонне показать его облик и раскрыть его роль в политической истории России начала XX века. В книгу вошли письма, записки и телеграммы Николаю II, представителям политической, общественной и культурной элиты страны.

18. Струков Д. Б. Столыпин / Д. Б. Струков. – Москва : Вече, 2012. – 541 с. : ил. – (Государство и власть). – Библиогр.: с. 530–540.

В период смуты 1905 года провозвестником спасения России стал П. А. Столыпин. Пять лет совместной работы царя с новым премьером оказали благотворное влияние на все стороны жизни страны, Россия становилась ведущим центром мирового развития. Могущество страны обеспечивалось не насильственным внедрением западной модели развития, а путем роста национального самосознания. Николай II и П. А. Столыпин стали знаковыми фигурами этих исторических процессов, органично соединившими в себе высокую нравственность и государственный талант.

19. Табачник Д. В. Крестный путь Петра Столыпина / Д. В. Табачник, В. Н. Воронин ; предисл. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – Харьков : Фолио, 2012. – 537 с. : цв. ил.

Авторы на основе огромного количества архивных материалов и воспоминаний современников воссоздают облик председателя Совета министров Российской империи, не только спасшего страну от вакханалии революционного разрушения, но и начавшего её масштабные преобразования. Особое внимание уделяется перипетиям борьбы главы правительства и министра внутренних дел с террором, реализации программы системных реформ, попыткам достигнуть соглашения с либеральной оппозицией, политическим интригам и раскладу сил в правящей верхушке.

20. Тайна убийства Столыпина : [арх. док. и материалы] / [под общ. ред. П. А. Пожигайло] ; Фонд изучения наследия П. А. Столыпина ; Федер. архив. служба России ; Гос. архив РФ. – Москва : РОССПЭН, 2003. – 735 с. : ил.

В книгу вошли нормативные акты по организации охраны и работе с секретной агентурой, официальная переписка и перлюстрация писем современников событий.

21. Хотулев В. В. Петр Столыпин : [трагедия России] / В. В. Хотулев. – Москва ; Смоленск : Олимп : Русич, 1998. – 490 с. : фотоил. – (Человек-легенда).

В. В. Хотулев создает образ П. А. Столыпина, основываясь на архивных документах, личных письмах Петра Аркадьевича, императора Николая II, газетных материалах тех времён. В книге впервые опубликована переписка П. А. Столыпина с женой, которая раскрывает личность всемогущего премьера с совершенно неожиданной стороны.

22. Юровский Л. Н. Портреты (С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов, П. А. Столыпин) / Л. Н. Юровский ; сост., предисл. и коммент. А. Ю. Мельникова ; Центр эконом. и полит. исследований («ЭПИцентр»). – Москва : ЭПИцентр, 2011. – 118 с. : порт.

Книга «Портреты (С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов, П. А. Столыпин)» содержит статьи известного российского экономиста Л. Н. Юровского, опубликованные в 1912–1915 гг. в газете «Русские Ведомости». В них дана характеристика проводимой С. Ю. Витте, В. Н. Коковцовым и П. А. Столыпиным политики.

* * *

23. Быков Д. Л. Столыпин: реформатор, не гнушавшийся кнута / Д. Л. Быков // Эхо планеты. – 2010. – № 35. – С. 26–29.

О личности реформатора Петра Аркадьевича Столыпина рассказывает известный российский писатель, публицист Дмитрий Быков. Автор подчеркивает, что «смелый реформатор в экономике, в политике П. Столыпин был банальным сторонником закручивания гаек, искренне полагая – этой точки зрения придерживаются тысячи последователей, сторонников сильной руки, – что развитие России возможно лишь по мобилизационному сценарию, в условиях так называемой жёсткой власти, при многократном усилении государственного давления на частного человека вообще и на оппозицию в частности».

24. Могилевский К. И. Личность и деятельность П. А. Столыпина как историографическая проблема / К. И. Могилевский, К. А. Соловьев, В. В. Шелохаев // Вопросы истории. – 2012. – № 10. – С. 157–167. – (Историография). – Библиогр. в примеч.

Об исследовании жизни и деятельности премьер-министра Российской империи П. А. Столыпина, которому в 2012 году исполнилось бы 150 лет.

25. Мультиатули П. В. Император Николай II и П. А. Столыпин: правда и мифы о взаимоотношениях / П. В. Мультиатули // Власть. – 2012. – № 1. – С. 167–173. – Библиогр. в сносках.

Фигуру Петра Столыпина нельзя отделять от исторического контекста начала XX века. П. Столыпин был незаурядным, талантливым администратором, выдающимся государственным чиновником, но не государственным деятелем, ведущим самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику.

26. Перегудова З. И. Убийство П. А. Столыпина / З. И. Перегудова // Российская история. – 2012. – № 2. – С. 147–157. – Примеч.: с. 156–157. – Библиогр. в примеч.

Описываются события 1911 года, которые привели к покушениям и убийству Петра Аркадьевича Столыпина.

27. Соловьев Ю. Великий реформатор или провинциальный политик? / Ю. Соловьев // Родина. – 1990. – № 11. – С. 14–19.

Великий реформатор или провинциальный политик? Этот вопрос, связанный с личностью П. А. Столыпина, будоражит наши умы. Разноречивость этой исторической фигуры раскрывает в своей статье историк Ю. Соловьев. Как отмечает автор, «П. А. Столыпин не был профессиональным политическим деятелем-карьеристом. Не живи он в страшное переломное время, когда наше тысячелетнее государственное здание повисло над бездной, его жизненный путь сложился бы, вероятно, иначе».

28. Столыпин П. А. «Даю вам эту губернию «поправить»...» : из писем к О. Б. Столыпиной / П. А. Столыпин ; предисл. П. Н. Зырянова // Свободная мысль. – 1993. – № 13. – С. 98–106.

Письма написаны 1904 году в бытность П. А. Столыпина Саратовским губернатором, в том числе из Царицына и о Царицынском уезде.

29. Шевчук И. Столыпина и Севастополь / И. Шевчук // Родина. – 2012. – № 4. – С. 51–53. – Библиогр. в примеч.

О предках П. А. Столыпина, связанных с Севастополем, и столыпинской программе поддержки российского флота.

Реформаторская деятельность П. А. Столыпина

30. Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России / А. Я. Аврех. – Москва : Политиздат, 1991. – 285 с.

Личность П. А. Столыпина, его государственные реформы и сегодня вызывают большой интерес. Он становится невольным соучастником современных дискуссий об экономической, социальной, национальной политике. Предлагаемая книга известного историка А. Я. Авреха – о государственной деятельности П. А. Столыпина, малоизвестных фактах его жизни и трагической смерти.

31. Антонова С. И. Влияние Столыпинской аграрной реформы на изменения в составе рабочего класса : (по материалам Московской губернии 1906–1913 гг.) / С. И. Антонова ; под ред. А. М. Панкратовой. – Москва : Изд-во МГУ, 1951. – 228 с.

32. Василевский Е. Г. Идеиная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы / Е. Г. Василевский. – Москва : Соцэкгиз, 1960. – 203 с.

Настоящая работа не ставит своей целью исчерпывающее освещение борьбы вокруг столыпинской аграрной реформы. Автор ограничивает свою задачу попыткой показать идейную борьбу главных политических партий – выразителей интересов различных общественных классов России.

33. Герасименко Г. А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики / Г. А. Герасименко. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1986. – 344 с.

Автор выясняет причины неприятия крестьянами реформы П. Столыпина, показывает методы и формы борьбы крестьян против земельного переустройства и прослеживает динамику этой борьбы с момента издания указа 9 ноября 1906 года и до провала реформы.

34. Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа: из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века / С. М. Дубровский ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – Москва : [Издательство Академии наук СССР], 1963. – 599 с., 1 л. диагр.

Монография посвящена актуальным вопросам экономической политики в Российской империи в начале XX века, истории указа от 9 ноября 1906 года, обсуждению основных положений указа в Государственной Думе, правительственных мероприятий по проведению в жизнь указа от 9 ноября и др.

35. Ефремов П. Н. Столыпинская аграрная политика / П. Н. Ефремов. – Москва : Госполитиздат, 1941. – 143 с. : табл.

36. Калашник И. П. Политический портрет П. А. Столыпина: ретроспективный взгляд / И. П. Калашник, Р. С. Романенко // Социокультурные исследования : межвузовский сборник научных трудов ; вып. 14 / Федеральное агентство по образованию РФ, Волгогр. гос. технический ун-т, Администрация Волгогр. области ; [редкол.: Н. В.

Дулина (отв. ред.) и др.]. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2008. – С. 24–28. – Библиогр. в конце ст.

Авторы рассматривают реформы П. А. Столыпина в контексте общественной и политической обстановки, революционных настроений, царивших в стране в конце XIX–начале XX вв.

37. Кара-Мурза С. Г. Ошибка Столыпина. Премьер, перевернувший Россию / С. Г. Кара-Мурза. – Москва : Эксмо : Алгоритм, 2011. – 221 с. – (Политический бестселлер). – Библиогр.: с. 221–222.

Как считает автор, роль П. Столыпина в русской истории далеко не однозначна, а его реальный образ далек от создаваемого идеала. В своей книге С. Г. Кара-Мурза собрал множество свидетельств современников и документальных материалов о П. Столыпине – всё это позволяет объективно оценить личность реформатора.

38. Кара-Мурза С. Г. Столыпин – отец русской революции / С. Г. Кара-Мурза. – Москва : Алгоритм, 2002. – 253 с. – (Тропы практического разума).

Как утверждает автор, одной из крупных антисоветских акций конца XX века было создание мифа о П. Столыпине. В перестройку его фигуру раздули не потому, что столыпинская реформа в своё время проводилась успешно. Она провалилась по всем пунктам и прямо привела к революции. Имя П. Столыпина как губителя сельской общины, по мнению историка, стало символом разрушения Советского Союза.

39. Крюков Ф. Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Ф. Д. Крюков. – Москва : АИРО-XXI, 2012. – 359 с. – (Эпоха революций в России. XX век). – Библиогр. в примеч.: с. 360.

В книге собраны очерки, рассказы и повести известного дореволюционного писателя Федора Крюкова, написанные в годы первой русской революции 1905 года. Первая Государственная Дума, депутатом которой Крюков был избран, волнения, связанные с мобилизацией казаков на «подавление», повседневная жизнь далёкой провинции в бурные годы революционной эпохи, личный опыт обыска и тюремного заключения в связи с подписанием Ф. Крюковым известного Выборгского воззвания 1906 года – всё это, написанное ярко и убедительно, создает как бы живую картину революционной эпохи.

40. Пожигайло П. А. Петр Аркадьевич Столыпин. Интеллект и воля / П. А. Пожигайло, В. В. Шелохаев ; Фонд изучения наследия П. А. Столыпина. – Москва : РОССПЭН, 2005. – 237 с.

В монографии впервые предпринята попытка комплексного анализа столыпинской концепции разрешения системных кризисов, программы его масштабных преобразований, технологий её реализации, итогов и перспектив реформ для исторических судеб России. Исследование позволяет понять исходный замысел, содержание и механизмы перемен, выведивших Россию в число ведущих мировых держав, обеспечивавших укрепление её целостности и единства, формирование среднего класса, гражданского общества и правового государства, повышение уровня образования и улучшение материального положения народа.

41. Степанов С. А. Великий Столыпин. «Не великие потрясения, а Великая Россия» / С. А. Степанов. – Москва : Яуза : Эксмо, 2012. – 508 с., л. ил., портр. – (Гении власти). – Библиогр.: с. 501–509 и в подстроч. примеч.

Столыпину нужны были «не великие потрясения, а Великая Россия». Отвечая на самые сложные и болезненные вопросы, автор воздаст должное великому реформатору и государственнику, чей бесценный опыт по модернизации страны особенно актуален сегодня.

42. Табачник Д. В. Петр Столыпин. Крестный путь реформатора / Д. В. Табачник, В. Н. Воронин. – Москва : Молодая гвардия, 2012. – 404 с. : цв. ил., портр. – (Жизнь замечательных людей : серия биографий / основана в 1890 г. Ф. Павленковым и продолжена в 1933 г. М. Горьким ; вып. 1591(1391)). – Библиогр.: с. 402–405.

Авторы на основе большого количества архивных документов и воспоминаний современников воссоздают облик председателя Совета министров, уроки жизни и деятельности которого чрезвычайно актуальны для современной России. Особое внимание уделяется перипетиям бескомпромиссной борьбы главы правительства и министра внутренних дел с революционным террором, реализации программы системных реформ, направленных одновременно на укрепление государства и развития общественного самоуправления, попыткам достичь соглашения с либеральной оппозицией, политическим интригам и раскладу сил в правящей верхушке.

43. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин. – Москва : Памятники исторической мысли, 2001. – 302 с. : ил.

В книге на основе большого фактического материала, собранного автором на протяжении нескольких десятилетий, в том числе в центральных и местных архивах, рассмотрены проблемы расселения великорусского крестьянства, особенности его иммиграции, изменение русской общины в конце XIX–начале XX вв., исследована история разработки законопроектов будущей аграрной реформы. Особое внимание уделено предпосылкам к этапам проведения столыпинской аграрной реформы, её влиянию на судьбы великорусского крестьянства Центра и окраин. Автор делает вывод, что реформа была прогрессивной. Она не «потерпела крах», как это трактовалось в советской историографии, а была прервана Первой мировой войной и потому осталась незавершенной.

44. Щербаков А. Петр Столыпин. Революция сверху / А. Щербаков. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 425 с. - Библиогр.: с. 425–426.

Петр Аркадьевич Столыпин вошел в историю не только как ярчайший реформатор, государственный деятель и великий русский патриот, но и как одна из самых противоречивых фигур начала XX века. По мнению автора, несмотря на то, что даже главное дело его жизни – аграрная реформа – закончилась полным провалом, тем не менее, П. А. Столыпин по праву остался последним героем Российской империи.

45. Яковлев А. Н. Омут памяти. От Столыпина до Путина : [в 2 кн.]. Кн. 1. – Москва : Вагриус, 2001. – 624 с.

Александр Николаевич Яковлев – фронтовик, учитель, журналист, политик, историк, философ, «идеолог перестройки», – не просто повествует о себе и обо всём, «чему свидетель в жизни был». Это книга о судьбе России, о её «коренном неустройстве», трагическом пути и первой, не утраченной ещё попытке прорыва в будущее. Первая глава повествования посвящена государственной деятельности Петра Столыпина.

* * *

46. Абаев Б. Г. Роль Столыпинской аграрной реформы в развитии крестьянских (фермерских) хозяйств / Б. Г. Абаев // Аграрное и земельное право. – 2010. – № 10. – С. 12–16.

В статье анализируются предпосылки становления фермерского движения в России и роль в этом процессе столыпинских реформ.

47. Аграрные реформы П. А. Столыпина в освоении Сибири и Дальнего Востока // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. – 2010. – № 10. – С. 18–25. – (События, люди, факты).

О результатах Международной научно-практической конференции «Роль аграрных реформ П. А. Столыпина в освоении Сибири и Дальнего Востока», посвященной 100-летию посещения П. А. Столыпиным степного Алтая.

48. Алексеев А. Особенности реформ в «Серебряном веке» / А. Алексеев // Наука и жизнь. – 2007. – № 3. – С. 56–63 ; № 4. – С. 48–57.

Как отмечает автор, «когда проводятся непопулярные реформы, недостаточно преодолеть сопротивление революционеров и консерваторов. Эти реформы надо провести до того, как истощится народное терпение. И чем дольше они откладываются, тем труднее решать задачи, ими поставленные». Ярчайшее доказательство слов историка – период реформ, проводимых П. А. Столыпиным.

49. Белянин Д. Кому владеть Сибирью? : столыпинская переселенческая политика в Сибири / Д. Белянин // Родина. – 2012. – № 4. – С. 60–63. – Библиогр. в примеч.

Автор анализирует реформаторскую деятельность П. А. Столыпина в Сибири.

50. Белянин Д. Н. Переселение крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы / Д. Н. Белянин // Российская история. – 2011. – № 1. – С. 86–95.

Об альтернативных оценках переселенческой политики правительства П. А. Столыпина, появившихся в отечественной историографии в 1990– начале 2000 гг.

51. Булавин С. П. Историческое наследие П. А. Столыпина в контексте современного реформирования органов внутренних дел Российской Федерации / С. П. Булавин // Административное право и процесс. – 2012. – № 1. – С. 11–18. – Библиогр.: с. 18 (32 назв.).

Проблемы полицейского устройства всегда волновали лучшие умы Отечества. К числу исторического наследия в этой области относятся воззрения и свершения

П. А. Столыпина, занимавшего в начале XX века пост министра внутренних дел Российской империи.

52. Васильчиков Б. А. П. А. Столыпин, его реформа и мое участие в ней / Б. А. Васильчиков // Наше наследие. – 2002. – № 63/64. – С. 121–127.

Воспоминания князя Бориса Александровича Васильчикова, ставшего при Столыпине министром Главного управления землеустройства и земледелия.

53. Воронин Е. Реформы П. А. Столыпина и внешнеполитические интересы России / Е. Воронин // Международная жизнь. – 2011. – № 11. – С. 109–120. – Библиогр.: с. 119–120 (18 назв.).

В статье рассматривается внешний аспект государственной деятельности П. А. Столыпина, её воздействие на линию русской дипломатии начала XX века.

54. Давыдов М. А. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы (1907–1915 гг.) / М. А. Давыдов // Российская история. – 2011. – № 1. – С. 56–72. – (К 150-летию Великой реформы).

На основании официальной статистики землеустройства разьяснены некоторые ключевые особенности столыпинской аграрной реформы (1907–1915 гг.).

55. Жуков Д. «...Ограждать спокойствие и законность»: Столыпин и общественные организации в России начала XX века / Д. Жуков // Родина. – 2012. – № 4. – С. 40–41. – Библиогр. в примеч.

Об отношении П. А. Столыпина к общественным организациям, возникавшим в начале XX века.

56. Зотов В. Д. Петр Столыпин и его идейно-политическое наследие в современной России / В. Д. Зотов // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 3. – С. 219–232. – Библиогр. в сносках (35 назв.).

Статья посвящена анализу идейно-политического наследия выдающегося государственного деятеля – реформатора дореволюционной России Петра Столыпина. Анализируются три основные проблемы – проблема власти, её развития, реформа рабочего законодательства: проблема крестьянства и реформа землеустройства в России; проблема борьбы с терроризмом.

57. Казанина Л. Ю. Часть вины: столыпинская программа в оценке российских либералов / Л. Ю. Казанина // Родина. – 2010. – № 7. – С. 83–84. – Примеч.: с. 84. – Библиогр. в примеч.

Автор рассказывает об отношении к столыпинской модернизации государства либеральных партий России начала XX века.

58. Казанина Л. Ю. Столыпинские реформы институтов и структур управления и самоуправления в оценке конституционных демократов : (по материалам газеты «Речь») / Л. Ю. Казанина // История государства и права. – 2011. – № 6. – С. 26–28. – Библиогр. в примеч.

В статье излагается позиция ведущей либеральной партии России начала XX века относительно одной из составляющих столыпинской программы модернизации – судебной реформы правительства П. А. Столыпина.

59. Казанина Л. Ю. Судебная реформа П. А. Столыпина в оценке конституционных демократов / Л. Ю. Казанина // История государства и права. – 2009. – № 10. – С. 14–16. – Библиогр. в примеч.

В статье излагается позиция ведущей либеральной партии России начала XX века относительно одной из составляющих столыпинской программы модернизации – судебной реформы правительства П. А. Столыпина.

60. Канищева Н. И. Столыпинские реформы в области образования, культуры и науки / Н. И. Канищева // Российская история. – 2012. – № 2. – С. 139–146. – Библиогр. в примеч.

Предпринята попытка систематизировать всю совокупность столыпинских законопроектов в сфере культуры, науки и образования.

61. Кирсанов Н. А. Столыпинская аграрная реформа и русская революция / Н. А. Кирсанов // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. – 2006. – № 7. – С. 45–56.

Автор анализирует аграрную реформу П. А. Столыпина и её влияние на появление в народной среде революционных настроений.

62. Книга М. Д. Сельскохозяйственное просвещение в период столыпинской реформы: диалог власти и земства / М. Д. Книга // Власть. – 2011. – № 9. – С. 130–132. – Библиогр. в сносках.

В статье рассмотрены различные подходы государственной власти и земства к проблеме сельскохозяйственного просвещения крестьян в условиях столыпинской реформы. Если правительственная просветительская деятельность первоначально была сосредоточена на единоличных хозяйствах, то земская агропропаганда была направлена на всё крестьянское сообщество.

63. Козлов С. С. Столыпинская аграрная реформа: идеологическая основа и эволюционный характер / Козлов С. С. // История государства и права. – 2009. – № 3. – С. 26–29. – Библиогр. в примеч.

В статье представлена оценка столыпинской аграрной реформы, которая в целом, по мнению автора, оказала многостороннее положительное воздействие на аграрную структуру России, на развитие производительных сил и повышение культуры сельского хозяйства. Автор статьи призывает не преуменьшать или замалчивать позитивные результаты реформы в развитии производительных сил сельского хозяйства.

64. Корелин А. П. Реформы П. А. Столыпина: исторический опыт и уроки / А. П. Корелин // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2007. – № 10. – С. 3–11.

Доктор исторических наук Института российской истории РАН рассказывает о наиболее важных положениях столыпинской программы государственных преобразований, о борьбе П. А. Столыпина с консервативными кругами

Государственной Думы, о судьбе столыпинских реформ и причинах их свертывания.

65. Лапин Е. С. Правовые взгляды П. А. Столыпина / Е. С. Лапин // Государство и право. – 2007. – № 2. – С. 88–91.

Автор дает обзор правовых взглядов П. А. Столыпина. Актуальность рассматриваемой автором проблемы в том, что в настоящее время в России решаются те же вопросы о собственности на землю, о местном самоуправлении, о законности, о демократическом государстве и проч., которые ставил и небезуспешно решал выдающийся государственный деятель.

66. Липатов Э. Г. Реформы П. А. Столыпина как условие изменения существующего государственного управления / Э. Г. Липатов // Власть. – 2012. – № 8. – С. 98–101. – Библиогр. в сносках.

Рассматриваются изменения в государственном управлении крестьянской общиной, инициированные реформами П. А. Столыпина. Делается вывод об их связи с изменением существующего правового уклада.

67. Могилевский К. И. Столыпин и модернизация России: компоненты программы / К. И. Могилевский // Родина. – 2012. – № 4. – С. 8–13. – Библиогр. в примеч.

О столыпинских реформах, направленных на коренные изменения российского общества.

68. Могилевский К. И. Столыпинский проект преобразования России / К. И. Могилевский, К. А. Соловьев // Политика. – 2009. – № 1. – С. 151–166. – Библиогр.: с. 166 (16 назв.).

В статье представлена трактовка столыпинских реформ как первой в отечественной истории попытки системной трансформации страны. По мнению авторов, уловив важнейшие тенденции пореформенной модернизации и придав им новый импульс, П. С. Столыпин не просто обозначил контуры «новостроящейся» России, но и заложил основы для качественных изменений.

69. Наумов С. Государственное трезвомыслие: Столыпин в исторической памяти и исторической науке / С. Наумов // Родина. – 2012. – № 4. – С. 109–111.

О реформаторских преобразованиях Петра Аркадьевича Столыпина и их научной оценке.

70. Пахомчик С. Столыпинская аграрная реформа и кооперация в Сибири / С. Пахомчик // АПК: экономика, управление. – 2012. – № 4. – С. 9–15.

Рассмотрены аграрные преобразования в ходе проведения столыпинской реформы, сделан акцент на развитие сельскохозяйственной кооперации в Сибири, полезных моментах, которые могут быть использованы в современном кооперативном движении на селе.

71. Петрович В. Г. Нам до сих пор нужна великая Россия, или 100 лет без Столыпина / В. Г. Петрович // Преподавание истории в школе. – 2011. – № 7. – С. 40–45.

В статье рассматривается разработанная П. А. Столыпиным реформа образования, которая осталась незавершённой в дореволюционный период, но, как ни парадоксально, была претворена в жизнь большевиками.

72. Плотников В. Н. Аграрная реформа в России: столыпинский опыт и современные проблемы фермерства / В. Н. Плотников // АПК: экономика, управление. – 2010. – № 12. – С. 3–10. – Библиогр.: С. 10.

Автором анализируется исторический опыт аграрного реформирования в России. Отмечены главные механизмы столыпинской реформы, что делало её дееспособной. Предложены конкретные направления развития крестьянских (фермерских) хозяйств и других малых форм хозяйствования, возрождения русского села на современном этапе.

73. Роголина Н. Л. Столыпинская аграрная реформа: современная историографическая ситуация / Н. Л. Роголина // Российская история. – 2012. – № 2. – С. 157–164. – Библиогр. в примеч.

Историографический обзор столыпинской аграрной реформы, её политические, социальные и экономические приоритеты.

74. Румянцев Ф. П. Столыпинские реформы / Ф. П. Румянцев // Аграрное и земельное право. – 2008. – № 10. – С. 4–10.

Автор анализирует опыт аграрных преобразований П. А. Столыпина в контексте современной аграрной реформы.

75. Савченко Е. Дело столыпинского масштаба / Е. Савченко // Наш современник. – 2012. – № 4. – С. 3–11.

О реформах П. А. Столыпина и решении экономических проблем в современной России.

76. Сафонов В. Е. Столыпин и судебная реформа в России в начале XX века / В. Е. Сафонов // Российское правосудие. – 2011. – № 10. – С. 102–107. – Библиогр. в сносках.

В статье обосновывается роль П. А. Столыпина в судебной реформе, в частности, в создании единой судебной системы по введению защиты на стадии предварительного следствия.

77. Утенков Г. Н. Концептуальные идеи П. А. Столыпина: реформы государственного управления / Г. Н. Утенков // История государства и права. – 2013. – № 1. – С. 50–53.

В статье раскрываются предпосылки кризиса государственного управления на рубеже XIX–XX вв., противоречия между различными уровнями власти и общественными классами.

78. Хохлова Т. П. Реформы П. А. Столыпина сквозь призму времени / Хохлова Т. П. // Менеджмент в России и за рубежом. – 2012. – № 4. – С. 123–128. – Библиогр.: с. 128 (7 назв.).

Оценка социально-экономических реформ П. А. Столыпина с учётом исторического контекста, политических и социально-экономических условий, сложившихся в Российской империи к началу XX века и их роль в укреплении государственности и создании условий для новой социальной опоры существующей власти.

79. Шелохаев В. В. Столыпинский тип модернизации России / В. В. Шелохаев // Российская история. – 2012. – № 2. – С. 18–36. – Библиогр. в примеч.

Автор исследует взгляды Петра Аркадьевича Столыпина, которые лежали в основе реализации его реформаторского курса.

80. Шульгин В. Хранитель: традиция консервативного самобытничества в думских речах Петра Столыпина / В. Шульгин // Родина. – 2009. – № 1. – С. 74–76.

Взгляды Петра Аркадьевича Столыпина о сверхправовом характере самодержавия в России как источнике органического развития общества в направлении к гражданской свободе.